

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 10

14 марта 1928 г.

№ 10

Необходимое дело*)

(О товарищеских и третейских судах).

Вопрос о товарищеских и третейских судах для разбора дел частного обвинения, не успел он появиться на свет, а уже в сильнейшей степени оказывается запутанной и искаженной та постановка о них, которая дана в пост. НК РКК СССР и РСФСР от 10/IX—27 года.

Да позволено будет мне, как инициатору этого предложения, дать необходимые пояснения, обращаясь в равной степени как к работникам и членам профсоюзов, так и к судебным работникам.

Судебные работники встретили идею товарищеских судов в общем сочувственно. Но при этом основное значение этого мероприятия усматривается ими в разгрузке суда (нарсуда). Между тем, это глубоко не так, и замысел о них появился в совершенно иной связи и в ином разрезе, чем только разгрузка. Последняя достигается лишь попутно, но не стояла и не стоит самоцелью.

НК РКК исходил из особого характера дел частного обвинения, являющихся в основном и по существу не преступлениями, а проступками, связанными к тому же с ломкой и неустройством быта, с изменяющимся общественным сознанием, упирающимся в задачу культурно-воспитательной работы и проч.

А эта сторона как-то вот и не схватывается судебным работником, в этом отношении у него наблюдается характерная слепота. Этим в значительной степени может быть объяснено, что два проекта положений, которые мне известны (проекты НКЮ РСФСР и НКЮ БССР), оба оказываются непригодными **); тот и другой (первый в меньшей, второй—в большей степени) идут к созданию все же особого судебного органа, с надзором прокуратуры, с обязательностью процессуальных норм и проч.; тот и другой упорно также ищут связи с предприятием и его органами, как таковыми, и подают этим повод профсоюзам настаивать, задумываться, искать параллели с дисциплинарными товарищескими судами былой поры, толковать о навязывании профсоюзам чуждых им судебных функций и т. д., и т. п.

Неудачные проекты следует изменять, может быть, даже совсем отвергать, как искажающие первоначальную

мысль НК РКК, по, однако, не следует, как говорится, вместе с водой выплескивать из ванны и ребенка. А это невольно получается в тех заметках, которые появились за последнее время в «Труде» (№№ от 4 и 5 февраля 1928 г.).

Напомню пост. НК РКК СССР и РСФСР: «Предложить НКЮ взять на себя инициативу в деле разработки, совместно с Главполитпросветом, ВЦСПС, ВЛКСМ и организацией женщин-делегатов, конкретных мероприятий по разгрузке судов от дел частного обвинения, возникающих главным образом на почве культурно-бытовых отсталых форм жизни трудящихся и в основной своей массе нуждающихся не столько во вмешательстве судебного приговора, сколько в моральном воздействии ближайшей товарищеской среды, оценка которой... может и должна быть выражена в соответствующих третейских и товарищеских постановлениях».

Речь шла именно о том, чтобы общественное мнение и инициативу выявить, учесть и использовать, как активное орудие в воздействии на более отсталых и как средство общественной (со стороны товарищеского коллектива) сдержки и других мер общественного воздействия по определенным конкретным поводам, в виде постановлений товарищеских и третейских разборов.

Речь шла именно о том, чтобы на любой ступени достигнутого уровня культуры формулировать общественное сознание и мнение по конкретным вопросам и использовать его, как фактор дальнейшей работы по воспитанию и культурному подьему.

Исходили мы при этом из общего количества таких дел и из того, что основная масса тяжущихся представлена рабочими и служащими, т.-е. средой максимально организованной. Учитывали более высокий культурный уровень указанных слоев трудящихся и степень оформленности и выраженности в их среде общественного сознания и инициативы. Думалось о том, чтобы третейские и товарищеские суды могли вмешиваться и выступать даже тогда, когда столкнувшиеся между собою и совершившие тот или иной проступок не хотят этого и даже противятся этому.

Вначале думалось о добровольности обращения к таким разборам. Позже, когда предложение о товарищеских судах встретило единодушную поддержку в Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, вырабатывавшей проект постановления по вопросам карательной политики, пришлось, ради твердости в постановке соответствующих опытов, пойти на признание обязательности.

В поисках наиболее благоприятных условий для начала организации товарищеских и третейских разборов думалось о возможно более однородной среде, о рабочих и служащих одного предприятия, близких территориально предприятиям, относящихся к ним поселков, домов-коммун, жилтовариществ и проч. Думалось, что организо-

*) Помещая настоящую статью т. Радус-Зеньковича и признавая совершенно верными выводы его о существе товарищеских судов, Редакция отмечает, что автор не дает ответа на вопрос, как осуществить его предложение. Редакция.

**) В отношении НКЮ РСФСР это относится к первому проекту, вызвавшему также резкую критику со стороны профорганизаций. Переработанный на основе замечаний проект, принятый Коллегией НКЮ РСФСР 16/II (см. № 9 „Е. С. Ю.“, стр. 277), в основном приемлем, необходимо лишь резко взять курс на отказ от создания судебного органа и на ближайшую и решительную улажку этого мероприятия с общей культпросветработой и соответствующими организациями. Р.З.

ванные трудящиеся втянут постепенно за собой и неорганизованных членов своих семей и остальных, живущих и сталкивающихся на той же территории, и поставят их под свое воспитательное воздействие.

Тем самым, как видите, и речи не шло и не могло идти о самом предприятии, о попытках влиять на самое производство (пугают возрождением былых дисциплинарных судов!), захватывать рабочее время, вести разборы во время производства на самом предприятии, навязывать техническое обслуживание фабзавкому или администрации и проч. и проч. Все это пустые страхи, если только не сознательное уродование замысла о товарищеских разборах.

Вся предстоящая работа мыслилась, как органическая часть общей культурно-воспитательной работы, ради успеха которой необходимо ближайшее участие партийного и беспартийного актива, женщин, молодежи. Пропаганда и разъяснение, организация первых опытов и широкое оглашение первых итогов—вот каким путем должна пойти работа, привлекая и обеспечивая внимание все более широкого круга трудящихся к тому, что может начинаться даже в узких кругах их, в порядке инициативы и товарищеского сговора немногих.

Нужно предвидеть возможное разнообразие форм, в которых может вылиться организация товарищеских разборов и третейских судов, и, выбросив в обращение определенное положение о тех и других, надо быть готовыми вносить в него поправки и от него отступать. Ведь мы не имеем еще готовой формы, а только ищем ее, хотим на опыте ставить, выверять, совершенствоваться.

Так, неизбежно встанет вопрос о большем удобстве в иных случаях иметь председателем члена другого коллектива, а не того, к которому принадлежат спорящие. Или в штрафах, напр., тоже надо открыть возможность давать им разнообразное культурное использование. И, конечно, не следует думать даже о взысканиях

с принуждением в обычном смысле этого слова (милиция, судисполнитель и проч.), или о вычетах через контору предприятия; уплата штрафов должна покониться на товарищеском принуждении, на моральной силе его. Ясно также, что никаких протоколов, хранения материалов, вообще делопроизводительной части не требуется. Краткая запись решения не составит труда. И еще, о прокурорском надзоре, о надзоре и руководстве нарсудьи, о возможности перерешения последним—не должно быть и речи, раз мы сказали, что строим не судебные учреждения. Помощь же судьи, прокурора, любого судебного работника может быть очень полезна, но лишь как помощь культурных работников, не больше...

Все это звучит непривычно. И все же об этом нужно думать, а равно думать над конкретным осуществлением. В разделе о судебной работе в программе ВКП(б) мы имеем определенные указания о вовлечении трудящихся (вплоть до поголовного) в непосредственное отправление судебных обязанностей, о переходе к формам суда товарищеского и третейского, о постепенном же переходе от форм воздействия репрессивного к формам морального и предупредительно-воспитательного воздействия. Замысел о товарищеских и третейских разборах дел частного обвинения является только одной из частиц работы, вытекающей из этих указаний.

В общих условиях развития и совершенствования форм социалистического строительства наиболее отстают и в то же время задерживающе действуют на общий ход вперед формы культурного склада, быта, обихода, привычек, привычного сознания, обращения, языка и проч. и проч. И это одна из сторон той культуры и предмет культурной революции, культурного роста, в которые мы упираемся не менее, чем в прямые трудности на пути хозяйственного роста, индустриализации и проч.

В. Радус-Зенькович.

Где выход?

(По поводу разгрузки нарсуда)

На страницах «Еж. Сов. Юст.» и другой юридической печати все чаще и чаще стали появляться сетования по поводу завала, засорения низшего судебного аппарата (нарсудов) делами так наз. частного порядка, при чем в качестве панацеи от этого «зла» нередко выдвигается изъятие этих дел из ведения нарсудов и передачи их для рассмотрения в особые «примирительные комиссии» или в волисполкомы.

Однако, следя за обильной литературой по этому вопросу, нам не удалось встретить статьи, которая бы останавливалась на причинах этого явления, на причинах увеличения этих дел в нарсудах.

Между тем, именно, с этого следовало бы начинать, так как прежде, чем предпринимать те или иные меры воздействия по поводу какого-либо явления, необходимо объяснить причины его.

На наш взгляд, несомненное увеличение во всех нарсудах дел частного порядка объясняется прежде всего политическими условиями жизни страны.

Работа деревенского актива, комсомола, женотдела, работников суда и прокуратуры и пр. в сильной степени, как всем известно, направлена в сторону разъяснения еще передко и сейчас темному, забытому деревенскому люду его гражданских и политических прав. В

связи с этим среди даже самых забытых прежних деревенских «обывателей» теперь проявилось сознание, что каждый из них гражданин Республики Советов, что его человеческое достоинство ничем не может быть ни унижено, ни оскорблено, ни обижено, что «на всех и вся» он, как полноправный гражданин, теперь может себе найти суд и защиту.

Если прежде деревенская замужняя женщина (до сего времени, к сожалению, называемая полупрезрительным именем «баба»), безропотно и терпеливо переносила всяческие оскорбления и побои от мужа и посторонних лиц, то теперь уже очень редко увидишь такое явление, ибо каждая женщина, будь самая забитая, знает, что она может на такое отношение к ней жаловаться в суд и что там она найдет для себя защиту. Прежде не каждому припущенному и веками забытому обывателю, может быть, казалось обидным и оскорбительным, если, положим, его сосед, хотя бы по пьяному делу, называл и произносил по его адресу нецензурную ругань, теперь же с осознанием каждым гражданином своего человеческого достоинства уже редкий человек в СССР эти обидные для него поступки может оставить без ответа или удовлетворения. Для этого гражданину открываются два пути: или наказать обидчика своими мерами и силами, прибегнуть так сказать к самоуправству или же обратиться к содействию суда. Понятно, что в связи с культурным и политическим развитием личности он предпочитает обратиться в суд, тем более, что он знает, что этот суд его родной, народный, а не суд прежний, напр., земского

начальника, в какой суд, как известно, нельзя было заманить крестьянина даже пряником, а можно было заткнуть только силой.

Отсюда следует, что по делам частного порядка суд является той отдушной, где граждане ищут исхода своему возмущенному чувству оскорбления, обиды, реабилитации (по делам о клевете) или ищут защиты своих прав и интересов (особенно, в семейных спорах и дрязгах).

След., наплыв в суды мелких уголовных дел, дел частного порядка, есть не отрицательное, а положительное явление, и не следует страшиться наплыва в народные суды огромной массы мелких уголовных дел, как-то: об оскорблениях, обидах, клевете и пр., ибо этот наплыв таких дел в нарсуды, по нашему наблюдению, есть естественное явление, не результат простого «сутяжничества», а как последствие пробуждения в гражданах человеческой личности и осознания ими своего человеческого достоинства. Это первое, а второе—это есть признак доверия деревенской и вообще трудящейся массы к советскому суду. Препятствовать «униженным и оскорбленным» гражданам доступ в близкие для них народные суды, значит закрывать для них эту отдушину, что равносильно поощрению их к самоуправным действиям против обидчиков для удовлетворения своих чувств.

Разрешая из дня в день уйму мелких уголовных дел, нарсуд работает не впустую, как думают иные, а делает огромную политическую работу. Подобно незаметному рабочему-каменщику, складывающему отдельные кирпичики, из которых получится огромное здание, путем разрешения этих мелких будничных уголовных дел нарсуд защищает интересы обиженных, забытых, слабых, обделенных, всех трудящихся и, таким образом, постепенно воспитывает массу к уважению личности работника и человека и тем самым в известной степени ведет массы к социализму.

Искать разгрузки народных судов исключительно в передаче этих дел в примирительные комиссии, оставляя в народных судах, как предполагают некоторые, только более важные уголовные дела и более крупные гражданские иски,—не значит ли отдалить эти нарсуды от забытой бедняцкой крестьянской массы, которая уже привыкла считать эти суды своими, ибо ничем иным не объясняется то, что она обращается к содействию суда по таким делам, которые на взгляд постороннего человека представляются «пустяком» и которые, якобы, тормозят работу суда.

Разрешение вопроса о разгрузке народных судов следует искать в другом.

Прежде всего, конечно, в расширении сети нарсудов в такой степени, чтобы каждый нарсуд вполне свободно мог разрешить всю поступающую к нему массу дел. Но это связано с огромными денежными расходами и при настоящих экономических возможностях является не практическим разрешением вопроса, а общим рассуждением.

Приходится исходить в разрешении вопроса из современного нам состояния нарсудов.

Обращаясь к работе нарсудов, мы видим, что работа нарсудов тормозится от обилия не только одних дел частного порядка, но и от обилия дел так наз. общего (публичного) обвинения.

Нам думается, своевременно теперь взглянуть и в эту сторону, именно, обсудить вопрос: нельзя ли каким-нибудь образом облегчить работу нарсудов по делам этой категории.

Прежде всего, взглянем на дела о кражах. Если, по примечанию к ст. 162 Уг. Код., мелкие фабрично-заводские кражи (на сумму менее 15 руб.) возбуждаются и преследуются в дисциплинарном порядке, то-есть, в некоторой степени возбуждение и преследование против лиц, совершивших эти проступки, уже предоставлено инициативе представителей потерпевшей стороны (фабрики, завода, предприятия), то, чтобы быть последовательным, следует обсудить вопрос и о порядке возбуждения и преследования дел вообще о мелких кражах (у частных лиц и пр.). Этим делам до настоящего времени уделялось много внимания, и государственная власть возбуждает дело, преследует, поддерживает обвинение против похитителя чужой собственности за совершенную им мелкую кражу, даже помимо жалобы потерпевшего, несмотря на желание последнего прекратить дело, простить вора и т. д. Также обстоит дело с самоуправством (90 ст. УК), присвоением (ст. 168), мошенничеством (ст. 169), повреждением частного имущества (ст. 175 УК).

Не своевременно ли теперь приравнять дела о первых мелких кражах у частных лиц и другие перечисленные выше дела—к делам так-наз. частного обвинения, чтобы они могли возникать только по жалобам потерпевших, чтобы можно было прекращать их в суде за примирением сторон, за неявкой в суд потерпевшего и за отсутствием в деле жалобы потерпевшего, разумеется в тех случаях, когда не вступает в дело для защиты общественных и государственных интересов прокурорский надзор.

Ведь, при наличии последнего условия—невозможности прекращать дело за примирением сторон, когда в дело вступает прокурорский надзор,—деление дел на категории: возбуждаемых в порядке частного производства и возбуждаемых в порядке общего (публичного) производства, является слишком условным и неопределенным; интересы же государства и общества прокурорским надзором (с его правом протеста и правом ходатайствовать о пересмотре вынесенного судом приговора) будут достаточно защищены и в случае приравнивания этих дел к делам частного обвинения.

При проведении этого предположения в жизнь можно ожидать большого сокращения и уменьшения работы в нарсудах.

Прежде всего, многие дела совершенно не будут падать в нарсуды, так как потерпевшая сторона может и не возбудить дела; затем, если и попадет дело в суд, то возможно будет прекращено или за неявкой потерпевшего в суд или за примирением сторон.

При этом некоторые статьи Уголовно-Процессуального Кодекса, касающиеся рассмотрения этих так наз. дел частного порядка, должны быть изменены.

Прежде всего, эти дела должны быть прекращаемы не только за отсутствием в деле жалобы потерпевшего и за неявкой его без уважительных причин в суд, и за смертью потерпевшего, а также за неуказанием потерпевшим при перемене своего местожительства (в течение, например, одномесячного срока) своего нового адреса. Это важно потому, что потерпевшие, возбудившие дело частного порядка, затем, уезжая куда-нибудь из своего местожительства и не указывая нового адреса, тем самым сами затягивают дело. Как на пример можно указать на многочисленные случаи в пределах Коми области (Зырянской), когда потерпевшие, подав частную жалобу, уезжают на отхожие промыслы в соседние губернии, нередко в далекую Сибирь, на всю зиму, и не оставляют своего адреса. Дело благодаря этому затягивается и заливается, и ко времени возвращения потерпевшего до-

мой нередко совершенно выдыхается, так что даже он сам слишком мало является заинтересованным в исходе дела, а между тем, дело все считается незаконченным и по нему делались кое-какие распоряжения о розыске адреса потерпевшего, о вручении свидетелям повесток и т. д.

Давность уголовного преследования по этим делам полезно будет значительно сократить против принятого 14 ст. Угол. Код. срока, снизив этот срок, примерно, до трех месяцев, ибо только сутяжничеством можно объяснить себе такие случаи, когда за личное телесное оскорбление подается жалоба в суде через более длительный срок.

Весьма полезной мерой было бы изменение и 90 Уг.-Пр. Код. в том смысле, что по делам частного обвинения при оправдании подсудимого суд может, если найдет обвинение явно недобросовестным, уплату судебных издержек возложить за счет потерпевшего. Два-три таких случая в год на участок нарсуда послужат хорошим уроком против легкомысленных и недобросовестных жалобщиков и отобьют охоту у них обращаться в суд ради только судебного процесса.

Эта мера сделает излишним прибегать нарсудам к рекомендуемой в постановлении НК РКИ мере против сутяжничества: к општрафованию за сутяжничество («Еж. Сов. Юст.» за 1927 год № 39). Последнюю меру мы отказываемся приветствовать потому, что «сутяжничество» довольно относительное понятие, ибо что с точки зрения одного гражданина является нестоящим вниманием и обращения к судебной защите и представляется простым сутяжничеством, то с точки зрения другого представляется защитой своих личных или имущественных прав или отстаиванием своей правоты и человеческого достоинства. Да и предоставление судам права штрафовать за «сутяжничество» тем самым не даст ли в руки нерадивых и нестойких судей несколько рискованное средство для разгрузки ими своего участка от накопления лишних дел? На наш взгляд, општрафование за «сутяжничество» в руках таких судей может сделаться не только средством отучить граждан от обращения в суд со своими мелкими делами, но может иметь и другую нежелательную сторону, именно, может оторвать суд от деревенской массы, обращающейся в суд по преимуществу со своими мелкими будничными делами, кажушимися для постороннего человека слишком ничтожными, возбужденными, якобы, только ради сутяжничества. В жизни же отдельных граждан все эти дела имеют свое большое значение, являясь нередко тою «мышью», которая впоследствии может «родить целую гору» дел.

Н. Б.—ий.

Авт. обл. Коми, г. Усть-Сысольск.

Пределы обязательного допущения защиты в советском уголовном процессе.

(По поводу ст. 15 проекта УПК).

Проект УПК дает две редакции наказных статей, различно определяющие пределы обязательного допущения защиты в уголовном процессе. Обе редакции одинаково намечают эти пределы для народного суда. Народный суд обязан допустить (или назначить) защитника, если участвует прокурор или если подсудимый

страдает физическим или психическим недостатком, мешающим ему на суде лично осуществить свои права, если о допущении защиты ходатайствуют профессиональные организации или иные общественные или партийные рабоче-крестьянские организации.

Иначе обстоит вопрос в отношении губсуда. В то время как первая редакция наказных статей пределы обязательного допущения (или назначения) защиты намечает одинаковые для нарсуда и губсуда, вторая редакция резко суживает их для губсуда.

«В губернтском суде участие прокуратуры, как правило, обязательно, наоборот, участие защиты всегда факультативно и зависит от усмотрения суда. Момент допущения защиты и пределы ее полномочий в процессе определяется в этом случае ст.ст. . . . настоящего наказа».

Известно, далее, что есть и такая точка зрения, которая идет еще дальше по пути ограничения защиты в суде, считая ее вообще излишней.

Обилие стольких и столь существенно расходящихся между собою предложений по рассматриваемому вопросу, имеющему значение, далеко выходящее за ведомственные рамки, само по себе служит ярким показателем сложности вопроса и вместе с тем доказывает желательность возможно более широкого и всестороннего его обсуждения как по линии теоретического обоснования, так и по линии учета практического опыта.

Настоящая статья имеет в виду остановиться на некоторых соображениях, говорящих в пользу первой из упомянутых редакций наказных статей.

* * *

Само собою разумеется, при разрешении данного вопроса необходимо самым решительным образом отбросить все то, что носит прямо или косвенно печать либерально-буржуазных теорий уголовного процесса. Общей чертой их можно считать затуманивание классового характера суда вообще и уголовного процесса, в частности.

В современной доктрине (читай — буржуазной. П. Л.), замечает профессор Полянский¹⁾, все чаще и чаще высказывается взгляд (страдающий несомненно крайностью), объясняющий самое существование уголовного суда целью обеспечения «великого принципа свободы и самоопределения личности».

Профессор Полянский находит, что взгляд этот «страдает несомненно крайностью», но и сам не так уже далеко отходит от этого взгляда, уверяя, что цель уголовного процесса заключается «в установлении для конкретного случая существования (т.-е. существует ли) права государства на наказание и эвентуально (т.-е. если оно существует) тех пределов, в которых оно подлежит осуществлению²⁾».

С точки зрения всякого последовательного марксиста взгляд на суд, как на нечто, служившее целям обеспечения «великого принципа свободы и самоопределения личности», страдает не только «несомненной крайностью», но несомненной ложью, несомненным противоречием всему тому, что мы знаем о классовом характере государства и

¹⁾ «Очерки общей теории уголовного процесса». Издание «Право и Жизнь» стр. 12.

²⁾ Там же, стр. 44.

суда, как одного из орудий репрессий, одного из орудий подавления в классовой борьбе.

Когда суд пытаются изобразить в виде какой-то «третьей силы», к которой государство апеллирует в целях «установления для конкретного случая существования права государства на наказание» и т. д., то невольно вспоминаются слова т. Ленина в письме к рабочим Европы и Америки.

«Эти герои филистерского тупоумия и мещанской трусости,—пишет он о вождях социал-демократии, меньшевиках Западной Европы,—не понимают даже того, что суд есть орган государственной власти, а борьба и гражданская война в Германии идут как раз из-за того, в чьих руках будет эта власть». (В. И. Ленин. Собр. соч. том XII, стр. 10, изд. 1923 г.).

Само собою разумеется, исходя из буржуазно-либерального вздора о сущности суда и цели уголовного процесса, нет ничего проще, как прийти к апологии института защиты и адвокатуры, во имя «великого принципа свободы и самоопределения личности» и т. п.

В действительности, как это прекрасно известно из исторических фактов (а факты вещь упрямая), адвокатура служила этому «великому принципу» в той же мере, в какой ему служил господствующий класс, классическое мировоззрение которого она выражала, одним из необходимых винтиков аппарата подавления которого она составляла. У буржуазии, как известно, была полоса юности, полоса революционных битв против феодализма, абсолютизма. В эту эпоху, в эпоху нарастания сил буржуазного общества и борьбы его против феодальных пут, и адвокатура несомненно играла прогрессивную и даже революционную роль.

В эпоху упадка и загнивания капитализма адвокатура, олицетворяя и формируя то юридическое мировоззрение, которое Маркс и Энгельс считали классическим мировоззрением буржуазии, в капиталистических государствах, естественно, «бунтует» уже совершенно в другом направлении—против нарастающих сил социалистической революции.

В действительности наш советский суд во главе своих задач ставит не «великий принцип свободы и самоопределения личности», а «ограждение завоеваний Октябрьской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленного», далее, «защиту интересов и прав трудящихся и их объединений», «укрепление обществено-трудовой дисциплины и солидарности трудящихся и их правовое воспитание», и, наконец, «осуществление революционной законности в личных и имущественных отношениях граждан».

Что же касается уголовного процесса, то его задача не может быть иной, чем обеспечение «наиболее правильного и полного применения норм уголовно-материального права», защищающих господство пролетариата.

Стало быть, отпадает вся буржуазно-либеральная дребедень, мещанский индивидуализм, как сколько-нибудь приемлемые и убедительные аргументации в пользу существования автономной адвокатуры—с одной стороны, и признания безусловного значения за институтом судебной защиты—с другой.

* * *

Но, с другой стороны, признание полной несостоятельности буржуазно-либеральной концепции процесса, защиты и адвокатуры, еще само по себе никоим образом не обязывает сказать: стало быть, в стране пролетарской

диктатуры не должно быть места защите в уголовном процессе, не должно быть места в той или иной форме организации этой защиты.

Если бы, исходя из лицемерия и несостоятельности тех или иных буржуазных теорий, мы стали отвергать те «институты», которые этими теориями обосновались и обосновываются в буржуазных государствах, то при таком упрощенческом подходе нам давно следовало бы отказаться от самого института суда и процесса.

Однако, никому не может взбрести в голову отказаться от института советского суда только потому, что буржуазные теории чрезвычайно много тонкого вздора наговорили про буржуазный суд.

Из этого следует только то, что нам нужен этот вздор разоблачать, что пролетарскому государству, вынужденному (именно потому, что оно государство, и до тех пор, пока оно государство) на развалинах буржуазного суда или, скажем, армии создавать свой суд, свою армию, незачем скрывать классовый характер этих институтов.

И только.

Но из этого не следует, что раз в капиталистическом государстве есть армия, которая служит для подавления трудящихся, то у нас не должно быть армии для отпора империалистам, раз в капиталистическом государстве существует суд для подавления трудящихся, то мы не должны строить суда для подавления эксплуататоров, раз существует буржуазная организация защиты в уголовном процессе, то мы обязательно должны отказаться от советской организации ее в советском уголовном процессе!

Это было бы ребяческим нигилизмом, а не революционно-марксистским решением проблемы.

Весь вопрос сводится к революционной целесообразности. В одних условиях пролетарской диктатуры как преобладающий метод расправы с тем, что дезорганизует диктатуру, оказывается необходимой внесудебная репрессия. В других (и в эту полосу мы вступили), наоборот, интересы пролетарской диктатуры, интересы более успешного развертывания социалистического строительства диктуют необходимость в качестве преобладающих методов расправы применять судебную репрессию. В одних условиях слишком грозна обстановка, слишком суровые требования предъявляет она в смысле быстроты необходимых ударов и действий для того, чтобы позволить себе роскошь замедлять эти удары длительным предварительным расследованием и формальными гарантиями, «великими принципами свободы личности», за которые могут с успехом прятаться враги пролетарской диктатуры. (Мы знаем, кстати, как умела буржуазия расправляться со всеми «подозрительными» в эпоху своей революции.) В других условиях интересы диктатуры пролетариата, развития производительных сил и социалистического строительства, наоборот, создают не только возможность, но и необходимость строжайшей осмотрительности в применении расправы и уголовной репрессии, необходимость строжайшей революционной законности в защите личных и имущественных прав граждан, не исключая и тех, на которых падает подозрение в совершении того или иного деяния.

* * *

Можно ли согласиться с той точкой зрения, которая утверждает, что в советском уголовном процессе защита не нужна вовсе?

Безусловное отрицание необходимости в каких бы то ни было случаях защиты в нашем процессе также

малоубедительно, как безусловное признание за обвиняемым прав на защиту во всех без исключения случаях.

То и другое одинаково нежизненно и не соответствует той реальной обстановке, в которой ведется борьба с преступностью в переживаемый нами период пролетарской революции.

Мы имеем перед собою, прежде всего, тот совершенно неоспоримый факт, что огромное подавляющее большинство обвиняемых принадлежит к числу трудящихся, юридически почти совершенно безграмотных.

Конечно, трудящиеся становятся перед советским судом, советской прокуратурой, которые обязаны проявить максимум чуткости, внимательности к его законным интересам (а сюда, прежде всего, естественно, относится заинтересованность не быть осужденным зря или не подвергнуться мере социальной защиты, не соответствующей степени социальной опасности). Прокурор вправе (точнее — обязан) отказаться от обвинения, когда ожидается в его несостоятельности. Не менее, чем в гражданском процессе, и в уголовном суд обязан проявить инициативу в том направлении, чтобы юридическая неосведомленность трудящегося не могла бы быть использована во вред его законных интересов. Можно, далее, сказать, что между трудящимся-обвиняемым, с одной стороны, советским прокурором и судьей — с другой, гораздо больше точек соприкосновения, понимания, гораздо меньше расстояния, чем между обвиняемым-трудящимся и буржуазным адвокатом.

Но... Вот тут начинаются различные «по», которых никоим образом обойти нельзя и которые убийственны для указанных выше точек зрения (абсолютного признания или абсолютного отрицания защиты в уголовном процессе). Дело в том, что еще недостаточно одного хотя бы самого искреннего стремления со стороны судьи и прокурора оказать защиту обвиняемому для того, чтобы в ряде случаев объективно быть в состоянии ее оказать в том объеме, как это необходимо.

Известно, что значительный процент дел, направляемых с преданием суду, заканчивается оправдательными приговорами, еще по большему проценту их обвинение в процессе судебного следствия отпадает частично.

Разве во всех этих случаях не фигурировал тот же советский следователь и советский прокурор, которые обязаны были вести расследование в рамках 111 и 112 ст.ст. УПК, в рамках полной объективности, выявляя не только уличающий, но и оправдывающий материал? А тем не менее, объективно, несмотря на стремление вести расследование именно в таком направлении, создается в ряде случаев или совершенно необоснованное или резко преувеличенное обвинение.

В чем тут секрет? Секрет тут в том, что в силу различных причин (недостаточной квалификации, несовершенства техники расследования — в одних случаях, сложности и запутанности дела и ошибочного убеждения в других) в ряде случаев при всем желании следователя или прокурора сохранить полную объективность и выявить материальную истину неизбежны обвинительные уклоны, представляющие опасность не только для законных индивидуальных интересов обвиняемого, но (что особенно существенно) для пролетарского правосудия в целом. Для последнего потому, что пролетарское государство заинтересовано в применении мер социальной защиты в отношении действительных, а не воображаемых социально-опасных лиц, что заведение уголовных дел против лиц, к преступлению непричастных, связано с огромной и бесцельной тратой времени, сил и средств.

Если из этого, тем не менее, нельзя сделать вывод об обязательности допущения защиты в стадии предварительного расследования (что, между прочим, имело место согласно действовавшей в Москве инструкции о следственных комиссиях в период 1918 г.), то причина здесь вовсе не та, что прокурор и следователь сами, дескать, во всех случаях в состоянии сказать защиту законным интересам обвиняемого. — Причина здесь кроется в особых задачах предварительного расследования, в условиях пролетарской диктатуры; причина та же, в силу которой в отличие от судебной стадии процесса следственная стадия у нас не является ни устной, ни гласной, ни состязательной и носит на себе явную печать так называемого инквизиционного розыскного процесса.

«С точки зрения борьбы с преступностью, следственное производство должно быть построено таким образом, чтобы в максимальной степени облегчить не только будущую задачу суда при рассмотрении вопроса, совершило или не совершило данное лицо то или другое преступление, но и с точки зрения вообще предупреждения и пресечения преступлений. А с этой последней точки зрения вовсе не безразличны те большие возможности по уклонению от суда и сокрытию преступлений, которые предоставляет преступному элементу организация следствия на началах состязательности и гласности, чем действующая ныне система» (Н. В. Крыленко. «Суд и право в СССР», стр. 114).

Но эти специфические задачи предварительного расследования если не целиком, то в значительной степени существенно меняются в стадии окончательного разрешения уголовного дела, в стадии судебного рассмотрения дела. Между тем, разве составляет секрет факт отмены целого ряда обвинительных приговоров суда высшей судебной инстанцией, и притом нередко за отсутствием состава преступления? Разве во всех этих случаях суд проявил сознательное игнорирование интересов объективности процесса, не стремился выявить как уличающие, так и оправдывающие обстоятельства?

В огромном большинстве случаев суд, несомненно, добросовестно стремился к материальной истине, и тем не менее добросовестно заблуждался, вынес ошибочный, вредный и с точки зрения интересов обвиняемого и с точки зрения интересов государства приговор.

Разве в подобных случаях хорошая советская защита в процессе не пужна?

Можно согласиться с точкой зрения, которая состязательность процесса усматривает не в праве обвиняемого на защиту, а в признании за обвиняемым права стороны. Но совершенно бесспорно то, что допущение защиты усиливает состязательный момент в процессе, а это, именно, и необходимо в целом ряде случаев, когда особая сложность и спорность дела требует максимальной осторожности при разрешении его.

Конечно, с громадными оговорками и лишь отдаленным образом, но все же до известной степени тут напрашивается аналогия с ролью профессиональной организации в защите интересов рабочего в предприятиях социалистического сектора нашего хозяйства. Разве, скажем, наш красный директор, администрация госпредприятия не обязаны всемерно защищать законные интересы рабочих предприятия, более того, разве они в большинстве случаев не стремятся к такой защите? А тем

не менее, объективное положение вещей, круг и характер возложенных на красного директора обязанностей таковы, что признается бесспорная необходимость параллельного существования профессиональной организации и защиты интересов рабочего.

Точно так же круг и характер возложенных на советского прокурора и судью задач в процессе в ряде случаев не только не исключают, но, наоборот, настойчиво выдвигают целесообразность и необходимость специальной судебной помощи и защиты обвиняемого.

Вот почему взгляд, огласно которого защита в нашем уголовном процессе ни при каких условиях не пужна, так как сам суд и прокурор защищают законные интересы обвиняемого, не выдерживает критики, как игнорирующий реальную действительность и оперирующий голыми отвлеченными и идеальными представлениями, оторванными от повседневной практики и фактов.

Совершенно прав т. Ундреевич, когда он на диспуте в Коммакадемии, касаясь осуществления судом функции защиты и обвинения, указывает, что «это составляет такую же абстракцию, такую же фикцию, какой фикцией является буржуазное утверждение, что суд является беспристрастным. Перенесение на суд функций и обвинения и защиты является утоней и говорить об объективности такого суда чрезвычайно трудно».

Нельзя, кроме того, совершенно игнорировать и другой факт. Пусть это будет в силу неизжитых предрассудков, но как бы то ни было масса трудящихся пока абсолютно не привыкла видеть в лице государственного обвинителя и суда в процессе в достаточной мере объективного защитника.

Прав т. Эстрин, говоря:

«Нам говорят, что суд сам должен и обвинять и защищать. Если суд должен и обвинять и защищать, то я ставлю себя в положение подсудимого, который спросит: «Суд меня будет и обвинять и защищать,—чем же он в конце-концов будет заниматься,—обвинять или защищать?» И подсудимый вам скажет: «Разрешите лучше мне самому себя защищать так, как я умею,—пусть меня прокурор не защищает, избави бог меня от такого защитника. Суд меня, в конце-концов, посадит, если я буду виноват».

Тем более нельзя игнорировать этот массовый взгляд, что, как мы видели, к выводу о правильности его приходят по соображениям, ничего общего не имеющим с дореволюционными традициями и предрассудками, работники, пользующиеся заслуженным авторитетом по своей марксистской, коммунистической эрудиции.

Все это приводит к выводу о том, что в известных случаях (преимущественно—при особой сложности и запутанности дела, а также в других, указанных в первой редакции наказных статей к п. 15 УПК) допущение и назначение защиты необходимо.

Говорю, в известных случаях, так как безусловное признание за обвиняемым права на защиту неприемлемо тогда, когда допущение защиты абсолютно не вызывается существом того или иного дела и когда требование допущения защиты всецело коренится не в чем ином, как в той же юридической неосведомленности трудящегося, или является сознательной попыткой осложнить и затянуть процесс.

* * *

Есть ли достаточное основание (предлагаемого второй редакцией указанных наказных статей проекта УПК)

резкого разграничения пределов допущения защиты в народном и губернском суде?

Единственное основание усматривают в исключительной подсудности губернских судов. Но исключительная подсудность губсуда несколько не обязывает установить для губсуда резко отличный от парсуда процессуальный порядок, поскольку и здесь советское государство осуществляет не внесудебные, а судебные методы расправы, поскольку и здесь остается в силе одна из функций советского суда, предусмотренных «основами судопроизводства Союза ССР» — по осуществлению революционной законности в личных и имущественных отношениях граждан, — поскольку и здесь задача процесса в наиболее правильном и полном применении норм нашего уголовного материального права, подавлении действительных, а не мнимых социально-опасных элементов. Трудно поэтому не согласиться с мыслью т. Стучка о том, что «нет основания внести больше формального элемента в губсуд, по составу более квалифицированный, или совершенно освободить от всяких форм парсуд, как еще менее квалифицированный, ибо одно отсутствие писаной минимальной формы не гарантирует еще никакой гибкости, а чрезмерно широкое усмотрение приводит к произволу».

Совершенно непонятно, например, почему глухонемому обязаны назначить защитника в парсуде и необязательно в губсуде. Исключительная подсудность тут решительно не при чем.

Что касается возражений против допущения защиты, аргументирующих интересами борьбы с волокитой, то несостоятельность подобных возражений совершенно очевидна, как только мы соразмерим соотношение между тем микроскопическим добавочным отрезком времени, которого требует участие защиты, и теми отрезками времени, на протяжении которых осуществляется расследование и окончательное разрешение дела.

* * *

Итак, защита в известных случаях в советском уголовном процессе необходима и обязательна, безразлично идет ли речь о губсуде или парсуде. Можно спорить о пределах обязательности допущения защиты, можно считать намечаемые первой редакцией наказных статей пределы пуждающимися в том или ином уточнении, но отвергать обязательность защиты во всех без исключения случаях у нас нет решительно никаких серьезных оснований.

Суть вовсе не в том, что нам абсолютно не пужна защита (это в корне неверно), а в том, что нам необходима хорошая, подлинно советская защита, которая действительно была бы защитой для трудящихся малограмотных масс, не могущих самим разобраться в сложном процессе.

Если существующая ныне организация защиты в виде (пользующейся до известной степени автономией) коллегии защитников по целому ряду соображений признается малоудовлетворительной, признается лишь «наименьшим злом из тех опытов, которые мы провели» (см. «Суд и право СССР» Н. Крыленко, стр. 126), то единственно правильный вывод отсюда тот, что надо упорно работать над улучшением организации защиты, а вовсе не тот, что надо в мусорный ящик выбросить или без пужды чрезмерно ограничить самую идею защиты. Работа же над постепенным созданием более совершенной организации защиты отнюдь не безнадежна в наших условиях,

имеет достаточно широкие и реальные перспективы. На наших глазах происходит рост и выдвижение из недр рабочего класса, его общественной и политической организации новых кадров защитников и юристов, теснейшим образом связанных своей психологией с трудящимися массами, идущих на смену той части коллегии защитников, которая является неудовлетворительной с точки зрения задач, предъявляемых защитнику государством пролетарской диктатуры.

Н. Лаговисер.

К увязке работы РКИ и НКЮ.

Запущенная ошибка есть порча нашего великого дела... Если мы, представители пролетарской революции, будем закрывать глаза на наши недостатки, будем разрешать вопросы семейным порядком, замалчивая взаимно свои ошибки и загоняя болезни во внутрь нашего партийного организма, то кто же будет исправлять эти ошибки и недочеты?

Разве не ясно, что, отказываясь от честной и прямой самокритики, отказываясь от честного и открытого исправления своих ошибок, мы закрываем себе дорогу для продвижения вперед, для улучшения нашего дела, для новых успехов нашего дела...?

(Из политотчета ЦК ВКП(б) на XV Съезде).

Работа органов РКИ хорошо известна широким массам трудящихся. Громаднейшая работа, проведенная РКИ по части рационализации госаппарата, борьбы с бюрократизмом, режима экономии, упрощения отчетности, принесла величайшую пользу и сэкономила не один миллион рублей. Безусловно и бесспорно, что в работе РКИ мы имеем громадные достижения. Эти достижения и успехи были констатированы XV Партсъездом. Но наличие успехов не должно вести к успокоению, к тому, чтобы не замечались имеющиеся недостатки.

Недостатки в работе нужно отмечать и принимать все меры к их изжитию. Честная, прямая самокритика, безусловно, необходима. По этому вопросу имеется ясная и точная директива XV Съезда партии: «съезд считает необходимым, особенно в виду сложности стоящих перед партией задач..., деловой критики недочетов, как в советском аппарате, так и в самой партии» (из резолюции XV Съезда по отчету ЦК ВКП(б)).

Работа РКИ, несмотря на достигнутые успехи, требует дальнейшего своего развития, и именно поэтому необходима открытая, честная критика имеющихся недостатков, помня слова т. Сталина, что «без этого (самокритики. Ю. Э.) нет движения вперед», «без этого нет развития» (из политотчета ЦК ВКП(б) XV Съезду).

Исходя из сказанного выше, мы и хотим осветить вопрос об одной части работы РКИ. РКИ, как орган ревизии и контроля, производя обследования и устанавливая зачастую ряд дефектов в работе обследуемых учреждений, значительную часть своих материалов направляет в органы юстиции для расследования и предания суду.

Так, за 1927 год только Московской прокуратурой, по материалам НК РКИ и МРКИ, по одной лишь Москве, возбуждено 76 уголовных дел. Из возбужденных 76 дел закончено производством 50 (65,8%) и находится в стадии расследования 26 (34,2%).

Из законченных производством 50 дел послано в суд для предания суду (с обвинительным заключением) лишь 8 дел, т.е. 16%, а 42 дела, т.е. 84%, посланы в суд на прекращение.

Приведенные цифры говорят о наличии значительных недостатков в этой части работы органов РКИ. Эти цифры показывают о некоторой неувязке органов РКИ с органами Наркомюста.

Вопрос об увязке не новый. Еще в 1925 году на совещании губпрокуроров вопрос об увязке работы с органами РКИ стоял, как центральный вопрос совещания. Соответствующей увязки нет до сих пор.

И действительно, если из 84% дел, посланных на прекращение, исключить одно дело, прекращенное в виду смерти лица, в отношении которого РКИ было возбуждено дело, то остальные дела прекращались либо за отсутствием состава преступления, либо за нецелесообразностью.

Так, МРКИ при обследовании Московского Отделения Техно-Строительного бюро Научно-Мелиорационного Института Наркомзема констатировала ряд недостатков. Приведем только один факт: «двойное списание одних и тех же сумм (751 р. 94 к.) пом. зав. материальной частью отделения В.».

На основании указанного обследования МРКИ пишет: «Внеплановая инспекция препровождает Вам настоящее дело для распоряжения о производстве следствия по признакам ст.ст. 116, 120, 128 и 133 УК с привлечением виновных лиц к законной ответственности».

Указанный материал был послан ст. следователю для производства следствия, а последний в результате следствия направил дело на прекращение, в виду нецелесообразности предания суду со следующей мотивировкой:

«1. Социально-опасное действие В... имело место в 1925 году и государство фактически ущерба не имело, т. к. сумма в 751 руб. с него взыскана из заработной платы».

2. Что В... уже подвергся взысканию в партийном порядке, а также уволен со службы».

Нам кажется, что следователь поступил правильно, направив дело на прекращение, т. к. нецелесообразно предавать уголовному суду человека (спустя 2 года) после всего того, что он уже перенес. Партвзыскание и увольнение со службы при условии взыскания присвоенных денег достаточно подействовало на В.

Получается интересное положение. Товарищи, работающие в органах РКИ, упрекают работников юстиции в увлечении «буквой закона», в «отсутствии пролетарского революционного чутья» и т. п., а в действительности мы имеем и такие факты, когда материалы РКИ прекращаются судебными работниками только потому, что по ним нецелесообразно предавать людей суду.

Как видно, увлечение «буквой закона» свойственно не только органам юстиции.

Можно привести много примеров. Укажем на обследование Замоскворецкой РКИ хозяйственно-производственного отдела Замоскворецкого райсовета, где был выявлен убыток в размере 111.560 руб., происшедший якобы вследствие бесхозяйственности работников отдела. Понадобилась упорная работа ст. следователя с 8 марта по 31 октября, чтобы убедиться, что нет достаточных улик для предания суду и что сумма в 111.560 р. далеко и далеко нереальна.

Или взять, к примеру, дело, заведенное по предложению НК РКИ РСФСР в отношении члена правления

треста Волга-Ока-лес, т. Б. В. результате следствия дело было послано на прекращение, в виду отсутствия в действиях Б. всякого состава преступления.

Приблизительно такое положение мы имеем и в остальных делах, направленных на прекращение.

Нельзя ни в коей мере недооценивать громадные достижения в работе РКИ, но не это нас сейчас интересует. Положение, когда значительное количество материалов, поступающих от органов РКИ для предания суду, производством прекращается (до 80%), глубоко ненормально и вредно. Слагать вину за это на следователей, прокуроров будет неверно. Меньше всего их вины, когда присылаемый материал не подтверждается или не содержит в себе состава преступления.

Главная беда заключается в том, что материалы РКИ, поступающие в судебные следственные органы, зачастую чрезвычайно низкого качества.

О ревизиях других органов. — И в этой области, нам кажется, не все обстоит благополучно. Не будем говорить, что количество ревизий слишком велико. На это обращалось внимание в печати, и мероприятиями НК РКИ как-будто этот вопрос в известной степени разрешен.

Но вторая сторона этого вопроса еще требует своего разрешения. Это вопрос о качестве ревизионного материала. То положение, которое мы имеем сейчас, когда «ужасающие» выводы ревизионных комиссий становятся совершенно безобидными при прикосновении с процессом предварительного (не говоря уже о судебном) следствия, требует настойчивых и срочных мероприятий.

Необоснованность и часто дутость приводимых в материалах обследования фактов грозит тяжелыми последствиями и обходится государству в хорошую копеечку.

Для иллюстрации приведем факт обследования ревизионной комиссией МСНХ в июле—ноябре м-це 1926 г. хозотдела Озерского треста.

В своих выводах ревизионная комиссия указала на целый ряд «страшных» преступлений. Приведем только три:

«1. По ремонтно-строительным работам расходы материалов, рабсилы и транспорта на много превышали действительную потребность в них, и поэтому комиссия пришла к предположительному заключению, что хозотдел переплатил рабочим по сделанным работам 20%, т.е. 10.000 руб., по поденным работам—50%—35.000 руб., израсходовал материалов больше, чем нужно, на 25%, т.е. 50.000 руб., и транспортные расходы произведены с переплатой на 10%—7.500 руб.

В результате только по одному пункту своих выводов комиссия установила «приблизительно» убытки на сумму свыше 100.000 рублей.

2. Нецелесообразное содержание жилищ и оплата коммунальных услуг за счет треста при возможности перевода домов, заселенных рабочими и служащими, на хозрасчет.

3. Упущение технического надзора хозотдела, вызвавшееся в приемке от производителя работ Мосдрева здания с гнилыми перекрытиями, что вызвало убыток в 70.000 рублей.

Дальше идет длинный перечень «преступлений». Тут и хищение дров, и отсутствие ответственности, и т. д. и т. п.

При получении подобных материалов само собой понятно, что Мосгубпрокуратура дала «законный ход», и

ст. следователю было поручено произвести предварительное следствие по данному делу. С 6 мая по 15 декабря с. г. работал следователь, проверяя, откуда взялись убытки в сотни тысяч и выявляя виновников этих безобразий. В результате же работы следователя дело было послано на прекращение, в виду отсутствия во всем этом материале состава преступления, ибо, как пишет следователь, «заключение рев. комиссии о перерасходах на ремонтно-строительные работы материалами следствия не подтверждается».

Спрашивается, в чем же дело? Почему выводы рев. комиссии опровергнуты материалами следствия? На этот вопрос мы находим ответ в постановлении следователя. Оказывается, «цифры о перерасходах» взяты комиссией из работы техника, которому была поручена проверка на выборку 250 заказов. Сам же техник на основании «выводов» на которых строила свои «приблизительные» подсчеты комиссия, на допросе у следователя показал, «что проверка 250 заказов сделана была им по поручению комиссии наспех, в трехдневный срок, и он за правильность своих выводов не может поручиться». А вот эти «выводы», за правильность которых не ручается сам автор, были положены в основу заключения ревизионной комиссии и послужили основанием к тому, что следователь исписал 144 листа бумаги, выезжал на место, приглашал экспертов и, в конце-концов, направил дело на прекращение. Иначе, собственно, и быть не могло, ибо «приблизительные подсчеты» были основаны на «выводах», за которые сам автор не ручается.

Ревизионная комиссия указала, как на факт бесхозяйственности, на содержание домов за счет треста при наличии возможности перевода их на хозрасчет. Фактически же дело обстоит «немного» иначе. Трест обязан содержать дома, согласно договора с профсоюзом текстильщиков, и на предложение треста отказаться от содержания домов профсоюз ответил категорическим отказом. Разве в действиях работников треста имеется «бесхозяйственность»? По данным ревкомиссии хозотдел треста потерял значительные убытки при переустройстве под жильё бывшей ф-ки Лукьянова, в виду этого был снят с работы архитектор хозотдела. В процессе следствия выяснилось, что межэтажное перекрытие 2-го этажа действительно оказалось сплошь гнилым, но винить в этом администрацию хозотдела или технический надзор нет оснований, т. к., согласно заключения экспертов фито-патологов, «гнилость балок межэтажного перекрытия обусловлена заражением их грибом «мерулиус-лакрименс», который мог попасть с новым лесом, а также в незаметном для глаза состоянии гнездиться в старых, прочных по паружному осмотру, балках».

Вопрос о виновности архитектора обсуждался в бюро секции инженеров при Озерской группе ф-к треста «Пестроткань», которое пришло к выводу, что обвинение в непринятии мер техническим надзором не обосновано.

Коломенский профсоюз текстильщиков постановил считать увольнение архитектора неправильным и добиваться восстановления его в должности. Этот факт еще раз подтверждает, что выводы ревкомиссии не обоснованы. Ревкомиссия ограничилась лишь констатированием факта (гнилость балок) и совершенно не заинтересовалась причинами, вызвавшими тайный недостаток.

Можно привести и другие факты из деятельности различных ревизующе-контрольных органов (финконтроль и др.).

Где причина этого разноречия? Почему до 80% дел, возбуждаемых по материалам РКИ и др. ревизиюще-контрольных органов, прекращаются?

Нам нужно их обязательно установить, ибо такая работа «впустую» сопровождается большими и тяжелыми последствиями. Отсюда получается то, что мы слишком много судим, много заводим дел и иногда совершенно напрасно. Вина в этом не только органы юстиции (мы не отрицаем наличия недостатков в работе судебных органов, они имеются, как во всякой работе), но в значительной степени и ревизиюще-контрольные органы, «поставляющие» продукцию чрезвычайно низкого качества.

Из сказанного выше можно и нужно сделать соответствующие выводы. Придавая огромное значение работе по ревизии и контролю и отмечая значительные достижения в работе последних, необходимо задачей дня поставить улучшение качества материалов обследования. Нам кажется совершенно своевременным поставить вопрос об ответственности контрольно-ревизионных органов за свои заключения.

Совершенно недопустимо, чтобы ст. следователь, после 7—8 месяцев работы, ограничился бы замечанием: «что материалы не подтвердились». Этого недостаточно.

В каждом отдельном случае нужно ставить вопрос об ответственности данного ревизора за сообщенные и обобщенные им материалы. Необходимо в каждом отдельном случае ставить вопрос об оставлении подобных ревизоров на дальнейшей работе и каждый раз в зависимости от конкретных обстоятельств обсудить вопрос о привлечении ревизоров к ответственности за халатность и небрежность в своей работе.

Судебным органам обязательно сообщать РКИ о результатах следствия по делам, ими возбужденным.

Процесс расследования необходимо максимально ускорить. Совершенно недопустимо, когда следствие по некоторым делам тянется месяцами. В этом значительную помощь могут оказать органы РКИ. Эта помощь должна идти по двум линиям: полное и всестороннее обследование и умелое составление акта обследования.

В практике бывают сплошь и рядом случаи, когда акты не дают ясной картины или они настолько не обоснованы, что приходится опять производить сложные и многотрудные экспертизы.

Было бы целесообразно, чтобы НК РКИ совместно с НКЮ выработали примерную форму ревизионного акта, который мог бы быть документом, бесспорным для дела. На местах в этом отношении кое-что делалось (Череповецкая, Брянская губ.). Не мешает обобщить опыт мест в этом направлении. С виду это как будто небольшой вопрос, но он имеет громадное значение при проведении следствия и, в особенности, с точки зрения его ускорения.

Положение требует большей увязки в работе органов РКИ и НКЮ, для чего желательно практиковать присутствие работников прокуратуры на заседаниях Коллегии РКИ. Правильно поставленное дело ревизии и контроля в условиях нашей действительности безусловно имеет первостепенное значение, тем более важно, отмечая каждую ошибку в этой области, учитывать ее, учиться на ней и исправлять ее.

Мы уверены, что совместными усилиями всех работников РКИ и НКЮ, при активной поддержке широких масс трудящихся недостатки, имеющиеся на этом участке работы, будут изжиты.

Бытовые преступления в свете советского законодательства.

(К проекту закона о главе X УК).

Октябрьская революция освободила от ига русского капитализма ряд национальных меньшинств, населявших территорию бывшей царской империи, и дала им возможность самоопределиваться. С момента ликвидации фронтов гражданской войны национальные меньшинства организовали автономные республики и ведут кропотливую работу по восстановлению и созданию своей экономической, культурной и политической жизни. Неграмотность, унаследованная от проклятого старого режима, отсутствие навыка к самостоятельной общественной работе, религиозный фанатизм и часто повторяющиеся стихийные бедствия служат большим тормозом громадному усилию в строительстве социализма автономных республик. Не менее серьезное препятствие делу строительства социализма оказывает обычное право, крепко сидящее в сознании масс до последнего времени. Адамы (обычное право) всегда служили реакцией и теперь являются не малой помехой в историческом строительстве освобожденных наций. Адамы, с виду невинные, на деле являются факторами разрушения и ослабления крестьянского хозяйства, мешают темным массам выйти из-под влияния и сферы невежества, тормозят приобщение к культуре, служат причиной бесконечного пролития крови. Правительства автономных республик боролись с этим злом, но борьба была случайная, кустарная и в этой борьбе не было системы. ВЦИК РСФСР взял на себя инициативу выявления всех этих разбросанных бытовых преступлений по автономным республикам и введения их в Уголовный Кодекс РСФСР в виде X главы. Начинание ВЦИК надо только приветствовать и пожелать, чтобы оно как можно скорее реально осуществилось. Проект ВЦИК'a был разослан для согласования на места. Места рассматривали и внесли ряд дополнений и изменений. В основном проект сводится к следующему.

У многих племен и наций в автономных республиках, с патриархально-родовым бытом, существует кровная месть. Обычай кровной мести ежегодно уносит сотни, тысячи жертв. Льется кровь, разрушаются сельские хозяйства и эта кровавая язва на теле молодых авт. республик продолжает оставаться до сих пор и препятствовать росту этих организмов. На-ряду с кровной местью, вернее, в связи с кровной местью, существует обычай откупа от кровников. Родственники убийцы уплачивают родственникам убитого известное вознаграждение, за что родственники убитого отказываются от акта мести своим кровникам. Такой обычай, с одной стороны, дает возможность кулаками и состоятельным людям беспрепятственно совершать убийства в надежде откупиться деньгами, с другой стороны мешает судебно-следственным органам выявлять истину и применять соответствующую меру социальной защиты. Родственники убитого, получив вознаграждение от кровников, сплошь и рядом отказываются показать на убийц, старательно их скрывая. Во многих тайных убийствах родственники убитых являются почти единственными источниками первоначальных сведений об убийцах. Тут они тормозят и мешают раскрыть преступление. По этим причинам проект ВЦИК вполне уместно и кстати запретил всякий откуп от кровников.

Следующая статья проекта, тоже относящаяся к обычаю кровной мести, не менее важна, чем предыдущая. Тут говорится об уклонении от перемирия между собою

Ю. Элькин.

кровников. Одной из мер борьбы с последствиями кровной мести в автономных республиках были правительственные комиссии по примирению кровников. Комиссии призывали и внушали кровникам помириться, но кровники были свободны в приеме предложений комиссии. Они могли и согласиться и не согласиться. Поэтому комиссии были бессильны влиять на нежелающих мириться и не имели успеха в своей работе. Проект предусматривает выселение с местожительства на другое место тех из кровников, которые по предложению комиссии не пожелают мириться с кровниками. Мера вполне подходящая и необходимая в отношении кровников, отказывающихся мириться, ибо их отказ от перемирия является признаком его решения во чтобы то ни стало убить кровника. С такими намерениями они социально-опасны и вполне целесообразно их выселять в другой район, где они не смогут привести в исполнение свое намерение.

Дальше проект ВЦИК предусматривает калым и кенин и запрещает их под угрозой конфискации калыма и наказания выполняющих его. Калым явление наиболее серьезное в жизни крестьян, поэтому я особенно остановился на нем в другой заметке.

Бытовые преступления в большинстве своем непосредственно задевают женщин. Женщина в прошлом рассматривалась, как неравноправное существо, созданное для обслуживания мужчин. На основе этого мужчина в своем отношении к ней привык не считаться с ее интересами и приспособлять ее к своей жизни. Благодаря этому многие адаты прямо быют по насущнейшим интересам женщин. Адаты в привычной жизни горца, ежедневно нарушая интересы женщины, фактически аннулируют важнейшее завоевание Октября—раскрепощение женщины. Поэтому необходима серьезная борьба с этим явлением мерами судебно-исправительного характера. Со времен седой старины среди горцев Кавказа существует обычай женитьбы путем похищения и изнасилования девушки. Девушка насильственно уводится и изнасилована для того, чтобы понудить ее выйти замуж за насильника. На такой изнасилованной девушке никто другой не женится, потому она прижудена бывает против своей воли согласиться на этот брак. Поводов к похищению бывает много. Запрос большого калыма, отказ родителей вообще выдать дочь за данного жениха, отказ самой девушки выйти замуж и ряд других моментов вызывают похищения. До сих пор похитители девушек привлекались к уголовной ответственности по статьям изнасилования, но эти статьи не относились к случаям умыкания. Теперь этот пробел заполнен проектом и случаи похищения женщин предусматриваются специальной статьей. Особая статья Уголовного Кодекса по этому преступлению необходима потому, что существующие статьи УК об изнасиловании женщин не отражают характера и специфических условий похищений женщин.

Следующим бытовым явлением в жизни многих национальных меньшинств, нарушающим правопорядок, установленный Октябрьской революцией и сильно задевающим интересы женщин, является обычай многобрачия. Одновременно имеются две и более жен, продолжается и до сих пор женитьба на второй жене, имея первую. Быть второй женой соглашается женщина в крайнем случае, при тяжелых стечениях обстоятельств. Но возможности женщины этого избегают. Естественно вполне, что женщины этого избегают, потому что 2—3 жены одного мужа превращают семью в арену домашних драм и недоразумений. К двоеженству прибегают большею частью состоятельные люди, стремящиеся как можно комфорта-

бельнее обставить свою жизнь. Таким образом, женщина превращается в безвольную вещь, созданную для украшения постели мужчины. Такой взгляд на женщину оскорбляет достоинство ее и фактически ликвидирует принцип Октября в полном раскрепощении женщин от всех видов эксплуатации и угнетения. Двоеженство, ухудшая положение женщины и повергая ее в состояние угнетенного существа, нарушает основной принцип Советской власти в раскрепощении женщины от гнета мужчин вообще, мужа в частности.

Дальше в проекте ЦИК'а мы находим статью, по которой привлекаются за организацию и участие в налете рода. Существует среди горцев многих племен такой обычай: один убивает другого, на какой почве—безразлично. Родственники убитого, близкие и далекие, женщины и мужчины, старые и молодые, которые оказались налицо в селении в момент убийства своего родича, быстро собираются в толпу и, вооружившись чем чем попало, идут «крестовым походом» на род убийцы. Толпа озлобленных кровников уничтожает на своем пути все то, что принадлежит убийце. Если попадется им на руки сам убийца или его близкие родственники, удар направляется против них и происходит массовое кровопролитие, если же на руки нападающим не попадаются живые существа из рода убийцы, так месть и злоба выливается в уничтожение имущества врага, в чем бы это имущество ни выражалось. Не раз в своей практике мы являлись свидетелями уничтожения и разрушения строений, принадлежащих убийце. Такие нападения и такой обычай приводит на скамью подсудимых несколько десятков людей сразу с женщинами вместе. Нечего, конечно, и доказывать тот колоссальный вред сельскому хозяйству, который приносит этот обычай в жизни наших крестьян. Особо серьезная социальная опасность этих явлений требует особо сугубого отношения к ним и особо серьезных мер против них. Тут нет ни контр-революционных выступлений против существующего строя, нет массовых волнений и выступлений против порядка управления, но тем не менее мы имеем массовые беспорядки, массовые выступления одного рода против другого рода, что сопряжено порою с трудно поправимыми и колоссальными последствиями. Этими соображениями и вызывается необходимость специальной статьи в Уголовном Кодексе, регулирующей данный вид социально-опасных проявлений на фоне невежественной жизни национальных меньшинств.

ВЦИК выработал проект X главы Уголовного Кодекса и проект разослал по автономным республикам для согласования. Комиссия по улучшению быта горняков при ЦИК'е рассмотрела проект и внесла ряд дополнений, выразившиеся в следующем. Убийцы на почве кровной мести привлекаются по ст. 136 Уг. Код. и изолируются в исправительно-трудовые дома до 10 лет. В результате применения амнистии, досрочно условных освобождений, разгрузки мест заключения или в результате применения ВЦИК'ом частной амнистии, осужденные на 8—10 лет кровники через 3—4 года оказываются освобожденными из-под стражи и появляются у себя дома. За шестилетнюю свою судебную практику я не видел еще ни разу ни одного осужденного, отбывающего наказание непрерывно в течение 5—6 лет. 3—4 года—слишком маленький срок для того, чтобы потерпевшие, родня убитого, успела бы забыть кровную обиду, нанесенную им убийцей их сородича; 3—4 года—слишком маленький срок для того, чтобы потерпевшие успели охладеть к мысли о необходимости кровной мести, потому сплошь и рядом осужденные на 8—10 лет кровные убийцы, освободившись

через 3—4 года, возвращаются домой и превращаются в объекты нападения своих врагов, в мишень стрелам кровников своих, выполняющих свой родовой долг и защищающих традиционную честь своего рода. Такие освобожденные из-под стражи кровные убийцы оказываются в скором времени или сами убитыми, или же, во избежание личной гибели, принуждены убить того или другого нападающего кровника. Изоляция физического убийцы в исправтруддоме охлаждающе действует на представителей кровников и они более или менее успокаиваются, сознавая и утешая себя, что сама власть «мстит» за них, но как только этот физический убийца, изолированный на короткое время, возвращается в их среду, старые раны раскрываются в более серьезной форме и вражда приобретает новую силу и реальные стремления. Поэтому крайне социально-опасно кровных убийц отпускать на родину через 3—4 года. Что же мы можем делать, во избежание этого, при настоящем положении вещей, можем ли не применять акты амнистии, когда декрет правительства категорически требует их применения, можем ли предотвратить применение частных амнистий, можем ли не применять досрочно-условного освобождения,—нет не можем. Такое положение борьбы с кровной мстью требует более длительной изоляции убийц с того района, где они совершили убийство. Для предупреждения новых убийств на почве кровной мести важна изоляция с района совершения убийства, но безразлично куда именно изолирован убийца: в исправительно-трудовой дом или выслен на жительство в другую губернию. Но для жизни самого убийцы и для государства не безразлично, будет убийца сидеть в исправтруддоме или будет выслен в другую губернию на жительство. Ведь мера пресечения применяется к преступникам не с единственной целью предупреждения повторения такого же действия самим же правонарушителем, преследуется цель общего предупреждения и приспособления правонарушителя к условиям трудовой жизни, приобретения трудовых навыков, чтобы по выходе из ИТД не пошел по прежнему пути, а мог бы зарабатывать себе кусок хлеба честным трудом. Заключение же под стражу убийц, достигая первую цель, предупреждения повторных убийств, и то на короткое время, не достигает абсолютно двух остальных целей. Заключение на 8 лет, которое фактически превращается в 3—4 года, никого из окружающих не пугает и никому ничего не внушает. Ни один убийца на почве кровной мести перед совершением убийства не останавливается перед мыслью ожидаемого 8-летнего заключения, всегда 8-летний приговор рисуется ему реально в 3—4 года заключения в исправтруддоме, а иногда и меньше.

Если взять цель, приспособления к общественно полезному труду, то она в данном случае совершенно излишня, ибо крестьянских сыновей, всю жизнь проводивших в деревне за сохой, нечего приучать к труду. Убийцы же на почве кровной мести на 99% бывают из трудовой среды, никакого отношения не имеющие к деклассированной преступной среде. Не достигая положительных результатов ни по одной цели, заключение под стражу кровных убийц может иметь отрицательное значение. Исправительно-трудовые дома не так хорошо организованы, как нам этого хотелось бы, причин тому много. Поэтому уголовщина, отбывающая в исправтруддоме, приговору, сплошь и рядом оказывает дурное влияние на крестьян-кровных убийц, впервые попадающих в такую среду. Исходя из этих соображений, Комиссия ДЦИК'а находит целесообразным, санкцию 136 ст. УК изменить

для автономных республик таким образом, чтобы на основании ее кровных убийц можно было выселять из пределов района убийства в другой район до пятнадцати лет, совершенно не заключая под стражу в исправтруддоме.

Октябрьская Революция освободила женщину от всех видов эксплуатации и гнета, но в отдаленных глухих уголках необъятного Союза Советских Республик есть еще много племен и народностей, где раскрепощение женщин фактически еще в жизнь не проводится. Угнетенная женщина в прошлом и теперь фактически продолжает оставаться в таком же положении. Захочет женщина посещать школу, общественные собрания—муж этому открыто противится и запрещает; захочет молодая девушка приобщиться к культуре, принять участие в общественной работе или по своей инициативе и по своему выбору устроить свою жизнь—отец или брат этому противится. Женщина подчинена, женщина зависит от отца, от мужа и от братьев. Воля мужчины до сих пор господствует над личностью женщины и командует ею. Принцип Октября о раскрепощении женщин, отраженный в ряде декретов Советской власти, остается юридической нормой, весьма слабо проводимой в жизнь. Женщина хочет освободиться, она втягивается в работу, но встречает упорное сопротивление со стороны мужчин. Необходимо иметь специальную статью в Уголовном Кодексе для привлечения к уголовной ответственности всех лиц, препятствующих женщине принимать участие в общественной работе.

Последняя статья Уголовного Кодекса, внесенная как дополнение Комиссией ДЦИК'а,—о шариахском разводе. Женщины-мусульманки в аулах должны получать двойной развод. По ЗАГС'у и по шариаху. Последняя форма развода для мусульманок имеет реальное значение. Без шариахского развода она не считается разведенной, без шариахского развода с прежним мужем никто на ней не женится, если даже она этого захочет. Такова сила религиозных убеждений. Поэтому каждая женщина-мусульманка, чтобы в дальнейшем быть абсолютно свободной, должна обязательно наряду с советским разводом получить и шариахский развод. Развод по закону зависит от волеизъявления одного из супругов, но развод по шариаху зависит лишь от желания и воли одного мужа. Желание жены тут не имеет никакой роли и значения. Если развод происходит по желанию жены против воли мужа, то последний может не дать шариахского развода и жена фактически останется без развода. Не редки случаи, когда жена уходит от мужа к родителям, требует у мужа развода, последний не соглашается, а жена сидит у родителей десятки лет, ожидая, когда же мужу заблагоразсудится ее освободить. Право мужа по шариаху развода не давать, если это ему угодно, фактически аннулирует советскую упрощенную форму развода и лишает женщин возможности свободно распоряжаться собою и своими правами. Поэтому Комиссия ДЦИК'а находит целесообразным иметь статью в Уголовном Кодексе, карающую мужей, связывающих своих жен узами шариахского брака, не давая развода.

Председатель главного суда *Иор. Махмудов.*

Дагестанская АССР,
г. Махач-Кала.

Пересмотр порядка обжалования нотариальных действий.

В настоящее время по поручению Совета Народных Комиссаров РСФСР Народным Комиссариатом Юстиции разрабатывается проект изменений главы 27 ГПК о жалобах на действия нотариусов. В виду этого вполне своевременным будет рассмотрение вопроса о том, какой порядок обжалования нотариальных действий у нас существует и какие изменения в него следует внести. Глава 27-я ГПК регламентирует лишь порядок обжалования действий нотариусов. В момент издания ГПК—да и в течение двух последующих лет, вплоть до 1925 года—необходимости в более широком объеме этой главы не было. Нотариальные действия совершались одними нотариусами. Следовательно, порядок обжалования действий нотариусов был в то же самое время общим порядком обжалования нотариальных действий. Начиная с 1925 г., положение начало значительно изменяться. Постановлением ВЦИК и СНК от 15 июня 1925 г. волостным исполнительным комитетам и сельским советам было предоставлено право совершения некоторых нотариальных действий. Последующими законодательными актами компетенция волостных исполнительных комитетов и сельских советов в части осуществления нотариальных функций значительно расширилась. С изданием же закона от 26 сентября 1927 года «о нотариальных действиях волостных (районных) исполнительных комитетов и сельских советов» («С. У.» 1927 г., № 100, ст. 668) волостные (районные) исполнительные комитеты и сельские советы почти в полной мере превратились в органы сельского нотариата. К их ведению отнесено совершение всех, наиболее часто встречающихся в крестьянском быту, нотариальных действий. Достаточно сказать, что волостной (районный) исполнительный комитет получил право совершения протестов и учинения на них исполнительных надписей, принятия денежных сумм для передачи по принадлежности в платежи по предъявленным к протесту векселям, совершения регистрации сделок по отчуждению строений; сельский совет — право регистрации договоров купли-продажи, дарения, мены, имущественного найма на сумму до 300 рублей (а эти договоры—преобладающие в деревне) и т. п.

При таких условиях, когда вол. исполн. ком. и сельские советы в отношении большинства нотариальных действий заменяют нотариусов, первое, что нужно сделать при переработке главы 27 ГПК,—это расширить ее объем, дав в ней определение порядка обжалования не только действий нотариусов, но и нотариальных действий вол. исполн. ком. и сельских советов. Какой должен быть установлен порядок, к этому мы сейчас и перейдем.

Ст. 231 ГПК в ее действующей редакции дела по жалобам на действия нотариусов относит к подсудности губернского суда по гражданскому (судебному) отделению. Против того, чтобы эти дела и впредь рассматривались в губернском суде, возражать не приходится. Они достаточно сложны, и передача их в народный суд была бы преждевременной. Но мы думаем, что они должны рассматриваться не в гражданском судебном отделении, а в гражданском кассационном, и вот почему. При рассмотрении жалобы на действия нотариуса, суду приходится разбираться исключительно в вопросах формального свойства. Иначе и быть не может, так как нотариальные действия—формальные действия. Такое разбирательство может быть проведено успешно только тогда, когда весь состав суда имеет соответствующую подготовку. Народные заседатели здесь ни в какой мере полезны быть не могут.

Если ценно их участие при разрешении спора, когда производится выявление взаимоотношений тяжущихся, производится собрание и оценка доказательств, то оно утрачивает всякий смысл, когда суд занимается проверкой того, правильно или неправильно нотариусом совершен протест, в соответствии с законом произведена регистрация договора или нет, и т. д.

Жалобами, приносимыми на действия нотариусов, очень часто, как это показала практика, затрагиваются вопросы нотариальной техники. Эти вопросы даже квалифицированному составу суда могут быть не всегда хорошо известны. Поэтому для того, чтобы суд имел возможность полностью разобраться и в этих вопросах, необходимо предоставить ему право получения соответствующих заключений от нотариальных контор. Надо сказать, что это некоторыми судами практикуется и в настоящее время.

Рассмотрение жалоб на действия вол. исполн. ком. и сельских советов, поскольку эти действия не очень сложны, есть полное основание отнести к ведению народного суда. Дела по таким жалобам в народном суде должны рассматриваться также без участия народных заседателей, т. е. единолично народным судьей. Народный судья, так же, как и губернский суд, должен иметь право в случае необходимости, истребовать от соответствующей районной нотариальной конторы заключение по всякому вопросу, затрагиваемому в жалобе. При наличии такого права, он даже если не будет достаточно хорошо осведомлен в вопросах нотариальной практики, всегда свободно может избежать ошибок.

Согласно ст. 232 ГПК жалобы на действия нотариусов могут приноситься в течение двух недель со дня, когда жалующемуся стало известно распоряжение нотариуса; жалобы же на волокиту никаким сроком не ограничены.

Двухнедельный срок для принесения жалоб на действия нотариального органа необходимо сохранить и на будущее. Однако, его нужно распространить и на жалобы на волокиту, исключив ту оговорку, которую в отношении этих жалоб делает ст. 232 ГПК. Борьба с волокитой может быть успешной только тогда, когда об имевших место фактах волокиты сообщается своевременно. Запоздалое сообщение о волоките не достигает цели и в громадном большинстве случаев само становится проявлением волокиты. Ничего, кроме волокиты не получится, если о допущенной нотариусом или вол. исполн. ком. задержке протеста векселя или выдачи исполнительной надписи будет сообщено по истечении нескольких месяцев, когда, может быть, в личном составе этих органов произошли изменения, и когда вообще трудно отыскать лицо, виновное в задержке.

Прежним нужно оставить и порядок подачи жалоб на действия нотариусов, т. к. этот порядок является вполне целесообразным и изменять его нет никаких оснований. Орган, на действия которого приносятся жалобы, вместе с жалобой и документами должен представлять в суд свои объяснения по существу дела.

Исполнительная надпись, заменяющая собой в отбывании многих взысканий судебный приказ; является нотариальным актом, значительно отличным от всех остальных. Доказывать это едва ли есть необходимость. Достаточно указать, что на основании исполнительной надписи проводится принудительное взыскание. В виду этого для обжалования действий, связанных с производством исполнительной надписи, должен быть установлен порядок, соответствующий особенностям этих действий.

Когда нотариус или вол. исп. ком. неосновательно

отказывают в учинении исполнительной надписи, то обжалование такого отказа целесообразно проводить в общем порядке обжалования нотариальных действий. Суд, признав отказ неправильным, может обязать нотариуса или вол. исп. комитет выдать исполнительную надпись. Однако, поскольку сама выдача исполнительной надписи производится без вызова ответчика, постольку и разбирательство жалобы на отказ в выдаче исполнительной надписи должно проводиться без вызова ответчика.

Иначе должен быть решен вопрос об обжаловании исполнительной надписи.

Обжалование исполнительной надписи может быть по двум основаниям. Может обжаловаться исполнительная надпись, как ненадлежаще совершенный нотариальный акт. Например, исполнительная надпись совершена на документе, не входящем в перечень документов, на которых она может совершаться или совершена по истечении срока. Но она может быть обжалована и потому, что спорен документ, легший в ее основу; например, подложен, безвальный, и т. д. Если формально подходить к вопросу, то можно было бы в первом случае допускать обжалование в общем порядке, обжалования нотариальных действий, а во втором—в исковом. Однако, практически эти два момента—оспаривание нотариального действия и оспаривание самого требования—очень трудно разграничить. В ряде случаев они тесно переплетаются, подчас дополняя друг друга. Поэтому следует для всех случаев обжалования исполнительной надписи установить общеисковый порядок.

Постановлением ВЦИК и СНК от 16 января 1928 г. (Изм. ЦИК и ВЦИК 1928 г., № 34) к компетенции нотариата отнесено производство обеспечения доказательств по делам, не возбужденным еще в суде. Принятием обеспечения доказательств, даже если оно было недостаточно обоснованным, не нарушаются интересы лица, против которого в будущем может быть предъявлен иск; поэтому обжалование принятия обеспечения доказательств вообще не должно допускаться. Иное дело, когда неосновательно отказано в обеспечении доказательств. Благодаря такому отказу может стать совершенно бесцельным предъявление иска, т. к. за отсутствием необходимых доказательств его нельзя будет обосновать. Поэтому отказ в принятии обеспечения доказательств должен подлежать обжалованию.

Жалобы на отказ в обеспечении доказательств должны подаваться в народный суд по месту производства обеспечения доказательств. Народный суд лучше, чем кто-либо, может разобраться в правильности такого отказа. Когда же в обеспечении доказательств будет отказано народным судьей, исполняющим нотариальные функции в порядке ст. 2 положения о государственном нотариате, и когда, следовательно, будет исключена возможность обжалования перед народным судьей, жалобы должны приноситься в общем порядке обжалования действий нотариусов, т. е. в губернский суд.

В главе 27 ГПК никаких указаний по вопросу обжалования определений губернского суда, выносимых по жалобам на действия нотариусов, не дается. Имея в виду общий принцип, проводимый в ГПК, что обжалование судебных определений допускается только в случаях, специально оговоренных, можно было бы этот вопрос разрешить в том смысле, что определения губернского суда обжалованию не подлежат. Однако, Пленум Верховного Суда РСФСР стал на иную точку зрения. В своих постановлениях от 9 июня 1924 г. и 19 апр. 1926 г. он разъяснил, что решения губсуда, выносимые по жалобам на действия

нотариусов, подлежат кассационному обжалованию в ГПК Верховного Суда с соблюдением 38 ст. ГПК в отношении взимания судебных пошлин как по делам особого производства, и что жалобы на эти решения могут приноситься не только сторонами, но и нотариусом, действия которого губсудом признаны неправильными (пр. № 12—«Е. С. Ю.» 1924 г., № 26, и пр. № 7—«Е. С. Ю.» 1926 г., № 19).

Следует ли порядок, установленный Пленумом Верховного Суда, сохранить и на будущее?

Нам думается, что от него нужно отказаться. В первые годы применения ГПК, когда для губернских судов нотариальные вопросы были вопросами новыми, недостаточно хорошо известными, проверка выносимых ими определений была полезна, и даже необходима. В ряде случаев Верховному Суду приходилось отменять явно неправильные определения. Кроме того, ГПК Верховного Суда, в связи с делами, поступающими на ее рассмотрение, давала свои разъяснения и указания, в которых в тот период суды особенно нуждались. В настоящее время мы имеем губсуды, достаточно квалифицировавшиеся и в нотариальных вопросах. Это факт, который оспаривать не приходится. Поэтому в отношении жалоб на действия нотариусов их можно сделать первой и единственной инстанцией. Если жалобы будут рассматривать кассационные отделения, состав которых достаточно квалифицирован, и если по всем сложным специальным вопросам будут получаться заключения нотариальных контор, то в полной мере будет гарантировано правильное их разрешение. Так как Пленум Верховного Суда может давать необходимые разъяснения судам вне связи с конкретным делом (п. «а» ст. 180 пол. о суд.), то не приходится опасаться, что с отказом от обжалования определений губсуда по жалобам на действия нотариусов, работа судов в этой области окажется без руководства со стороны Верховного Суда.

В отношении жалоб на действия вол. испол. комитетов и сельских советов народный суд точно так же должен стать единственной инстанцией. Нотариальные действия волисполкомов и сельских советов обычно не настолько сложны, чтобы окончательную оценку их правильности не смог произвести народный судья, особенно когда он по любому, недостаточно хорошо ему знакомому вопросу может получить заключение вполне компетентного органа—нотариальной конторы.

Если переработку главы 27 ГПК произвести именно в этом направлении, то будет достигнуто значительное упрощение порядка обжалования нотариальных действий, а следовательно, будет выполнена директива СНК¹⁾, подчеркивающая необходимость упрощения существующего порядка.

Н. Кумыкин.

Подсудность регрессных исков страхов органов к гос. учреждениям и предприятиям.

В то время, как арбитражные комиссии без всяких колебаний признают регрессные иски страхов органов к гос. предприятиям и учреждениям подсудными себе, в практике общих судов, нет твердой линии в определении этой

¹⁾ Буквальный текст постановления СНК РСФСР от 30 декабря 1927 г. (прот. № 75) таков:

«в связи с расширением прав государственных нотариальных контор и перехода к последним некоторых функций народных судов поручить НКЮ пересмотреть порядок обжалования действий нотариальных контор в сторону упрощения этого порядка».

подсудности, и в то время, как Мосгубусд признает такие иски себе подсудными, некоторые губ. и окресты и часть нарсудов Москвы не признают такой подсудности и направляют дела на разрешение в А. К.

Не может вызвать сомнений, что разноречивое толкование общими судами подсудности регрессных исков страховщиков совершенно ненормально и должна быть выработана единая твердая линия в определении этой подсудности.

Кому же должны быть подсудны регрессные иски страховщиков к госорганам?

Нам представляется, что эти иски должны быть подсудны не арбитражным комиссиям, а общим судам, и вот по каким соображениям:

1. Хотя арбитражные комиссии созданы для разрешения имущественных споров между госорганами (ст. 1 положения об Арбитраж. Ком. при СТО и ст. 5 положения об Арб. Ком. при ЭКОСО), тем не менее не всякий имущественный спор между госорганами подведомствен арбитражным комиссиям.

В положениях приведен целый круг споров между госорганами, хотя и имущественного характера, но подведомственных не арбитражным комиссиям, а общесудебным установлениям, или разрешаемых ведомственными комиссиями.

К такого рода спорам относятся все иски, возбуждаемые Главным Правлением Госстраха или Госбанка, а также к этим органам, споры, вытекающие из договоров железнодорожной перевозки, споры, возникающие по поводу обложения налогами, вексельные иски и т. д.

2. Переходя к природе регрессных исков органов соцстраха в порядке 413 и 414 ст.ст. Гр. Кодекса, необходимо признать, что хотя право страховщиков и регулируется Гражданским Кодексом, с одной стороны, и иски соцстраха имеют вид «имущественного» спора (возврат денежных сумм), с другой, тем не менее отсутствует какой-либо признак, дающий возможность характеризовать подобные иски как «споры» вообще и как «имущественные» споры, в частности. Ведь пособия по временной нетрудоспособности и пенсии, назначаемые органами соцстраха потерпевшим, определяются в своем размере на основании законов и не может быть судебного «спора» между застрахованным и органом соцстраха, а следовательно, и между органом соцстраха и тем госорганом, к которому предъявлен соцстрахом иск в порядке возмещения, на основании 413 и 414 ст.ст. ГК.

Так понимает отношения между соцстрахом и госорганом и Верховный Суд, который в разъяснении Пленума Верховного Суда от 17/1—27 г. (прот. № 2) в п. 17 говорит: «Размер пенсии, определенный по соцстраху, судебному оспариванию не подлежит...».

Отрицая возможность судебного «спора» о размере, Верховный Суд, таким образом, относит регрессные иски органов соц. страхования к особой категории дел, более близкой к «беспорным», но лишь по порядку проведения их, входящих в компетенцию суд. органов.

3. Точно так же неправильно относить эти иски к «имущественным спорам», ибо наличие «имущественного спора» в плоскости рассмотрения его в А. К. предполагает наличие хозяйственно-экономических взаимоотношений между сторонами: договоров, соглашений или каких-либо иных отношений, имеющих хозяйственное основание, регрессные же иски страховщиков основываются или на деликте — правонарушении, имеющем публично-правовой характер, главным образом, на нарушении правил НКТ о порядке содержания промышленных предприятий

(413 ст. ГК), или на основании факта причинения вреда третьему лицу (414 ст. ГК). Как в том, так и в другом случае исключается презумпция наличия спора, основанного на тех или иных хозяйственно-экономических отношениях сторон (страховщика и госоргана), Арбитражные же Комиссии, представляя собою особый судебный орган, разрешают лишь те споры между госорганами, которые произошли из столкновения интересов госорганов в плоскости их хозяйственно-экономической жизни, так сказать хозяйственные споры. Что такова и точка зрения законодателя, можно вывести из того, что значительное количество дел изъято из ведения Арб. Комиссии, и это такие дела, в основание которых положены или уставы или особые положения, прямо регламентирующие могущие быть между сторонами расчеты, как-то: ставки тарифов жел. дор., уставы Госбанка и Госстраха, вексельные отношения, коммунальные услуги.

Поскольку порядок назначения и размер выдаваемых пенсий и пособий соцстрахом строго регламентирован специальными актами, а не проводится в порядке добровольных договорных или иных соглашений страховщика с застрахованным, во-первых, и поскольку право на иск у страховщиков возникает не из моментов хозяйственных взаимоотношений страховщика с госорганом, а устанавливается законом, во-вторых, отнесение регрессных исков страховщиков к категории имущественных споров, подлежащих разрешению арб. комиссией, неправильно. Данное положение обосновывается еще и тем, что арб. комиссия при разрешении подсудных им дел руководствуется не только действующими законоположениями, но и общими началами экономической политики (ст. 5 положения об Арб. Комиссии при СТО, ст. 10 положения об Арб. Ком. при ЭКОСО), при чем арб. комиссиям предоставлено право: а) отсрочек и рассрочек исполнения; б) замены предмета исполнения другим предметом или денежным эквивалентом и в) в исключительных случаях полного или частичного освобождения от обязательства или ответственности (те же ст.ст. положений). Отсюда же понятно становится цель законодателя, исключившего из подсудности арб. комиссий такие дела, которые как раз не допускают по природе своей того или иного смягчения их: отсрочек, рассрочек, замены или освобождения от обязательства, и это, именно, те иски, право на которые и размер которых точно регламентирован законом (уставом) налоги, тарифы, твердые ставки, т.-е. такие дела, наряду с которыми и по природе своей и по формальному признаку должны быть признаны и регрессные иски страховщиков, ибо не может же вызвать сомнений, что арб. комиссия при всей широте предоставленных им прав не могут освободить госорган от следуемых с него по прямому указанию закона регрессных сумм.

Таким образом, можно считать, что тот список исключаемых из ведения арб. комиссии дел, который перечислен в положениях, не может считаться совершенно исчерпывающим и, наоборот, может считаться только примерным, ибо понятно, например, что иски госорганов к органам соц. страхования о возврате неправильно начисленных сумм по взносам на социальное страхование так же не могут иметь места, как и иски по неправильному обложению подоходным или промысловым налогами, хотя в положениях об этом рода спорах с органами соцстраха оговорки нет.

4. К изложенным соображениям формального свойства необходимо указать и на то, что регрессные иски страховщиков проводятся или после состоявшегося решения общесудебных установлений по искам самих потерпев-

них к предприятиям и госорганам, или до вчинения иска самим потерпевшим.

В первом случае дело должно разбираться в том же суде, где разбиралось дело по иску самого потерпевшего, ибо подсудность та же, а следовательно, и весь материал находится в этом же суде и сам суд уже знаком с преюдициальным основанием иска, во втором же случае необходимо вызывать к разбору дела самого потерпевшего в качестве третьего лица, как непосредственно заинтересованного в исходе дела. При направлении же дела в А. К. вызов третьего лица заставит арб. комиссии передать все дело на разрешение общих судов, в виду наличия в деле стороны, не являющейся госорганом, что должно вызвать совершенно ненужное промедление в разборе дела.

5. И соображения практической целесообразности говорят за то, что дело слушалось на месте—по месту нахождения предприятия, ибо вызывать с мест и потерпевшего и свидетелей представляет громадные трудности и весьма сложно, так как эти лица вполне естественно не желают терять части своего заработка, во-первых, и затрачивать некоторую сумму денег—часто для них значительную—на проезд и прожитие, во-вторых, ибо возвращены эти деньги им будут после разбора дела, т.-е. через довольно продолжительный срок.

Вот главные соображения как формального свойства, так и практической целесообразности, которые заставляют нас признать, что регрессные иски соцстраха к гос. предприятиям и учреждениям должны быть признаны подсудными общим судам.

Во всяком случае, представляется совершенно необходимым, чтобы разноречивая практика общих судов по толкованию этой подсудности была бы урегулирована авторитетным разъяснением или Верховсуда или НКЮ. Ибо, хотя и имеется одно разъяснение Гр. Кас. Коллегии Верховсуда (определение по д. 33281 от 5/IX—25 г. п. 5), в котором говорится, что регрессные иски страхкасс к причинившим вред, даже если последние являются гос. учреждениями, подсудны суду, а не арб. комиссии, но это определение в части указания подсудности не имеет директивного характера, имеющаяся же в нем ссылка на определение Пленума Верховсуда по д. Карнаухова неясна, т. к. в этом последнем определении Пленума нет никаких указаний о подсудности.

Юрист-страховик.

Исполнительные надписи нотариальных контор и залоговые свидетельства.

(По материалам Подотдела Государственного Нотариата Отдела Судебного Управления НКЮ).

Положением о нотариате, утвержденным пост. ВЦИК и СНК РСФСР 4 октября 1926 г., функции нотариальных контор были расширены целым рядом нотариальных действий, ранее ими не выполнявшихся. Это—совершение исполнительных надписей, принятие денег в депозит и выдача залоговых свидетельств.

Исполнительные надписи, заменившие в некоторых случаях судебные приказы и операции по депозитам, производились раньше народными судьями. Поэтому эта работа, как новая, естественно, вызвала вначале в практике нотариальных контор немало затруднений, чего нельзя сказать в отношении залоговых свидетельств.

Применение их за небольшими исключениями не представляло больших трудностей.

Остановимся сначала на разъяснениях, данных Отделом Судебного Управления по различным вопросам, связанным с совершением исполнительных надписей. Замена исполнительными надписями в некоторых случаях судебных приказов вызвала сомнения, не следует ли применять к ним соответствующих статей ГПК.

В отличие от судебного приказа, исполнительные надписи, согласно ст. 47 положения о нотариате, совершаются на нотариально удостоверенных сделках, вне зависимости от того, является ли нотариальное удостоверение для данной сделки обязательным по закону или нет. Для совершения исполнительной надписи вексель можно предъявлять в любую нотариальную контору, так как по ст. 12 положения о нотариате гражданам предоставлено право выбора нотариальной конторы для совершения любых нотариальных действий. Вексель может быть опротестован по месту платежа в одной нотариальной конторе, а исполнительная надпись сделана в другой, вне зависимости от местонахождения векселеобязанных лиц, места выдачи векселя или платежа по нему.

Инструкция к пол. о нотариате (§ 262) требует, чтобы в исполнительной надписи были перечислены все лица (векселедатель и бланконадписатели), с которых следует произвести взыскание. Правило это имеет в виду те случаи, когда векселедержатель при наличии нескольких векселеобязанных лиц в просьбе об исполнительной надписи не указывает, против кого из них следует сделать исполнительную надпись. Но векселедержатель не лишен права выбора любого из векселеобязанных лиц, против которого он желает осуществить свое требование по векселю. Это вытекает из разъяснения Пленума Верховсуда (прот. № 8, п. 14—опубл. «Е. С. Ю.» № 20—1927 г.), что передача по надписи и предъявление к платежу векселя должны производиться по общим правилам о солидарных кредиторах и должниках (ст. 116 Гр. Код.), за исключением лишь дробности сумм.

Требовать совершения исполнительной надписи может также и надписатель, оплативший вексель. Это следует из того, что векселедержателем является всякое лицо, которому вексель перешел по правильной очереди передаточных надписей (пост. Пленума Верховсуда прот. № 5—«Е. С. Ю.» № 15—1926 г.). В силу ст. 9 положения о векселях каждое обязанное по векселю лицо, оплатившее его, пользуется правами векселедержателя, а, следовательно, надписатель, оплативший вексель, может требовать учинения исполнительной надписи на протестованном векселе против других надписателей. При этом надпись может быть сделана и против предшествующих надписателей, так как при предъявлении требования о платеже векселедержатель не связан порядком последовательности, в которой ответственные по векселю лица принимали на себя обязательство (ст. 9 пол. о векселях).

Нельзя делать исполнительные надписи на опротестованном векселе против поручителя по нему, так как положение о векселях не знает вексельного поручительства. Поручительство по векселям, как и по всем обязательствам, нормируется Гражд. Код.

Следует обратить внимание на порядок исчисления шестимесячного срока, требуемого пунктом 2 ст. 48 пол. о нотариате, при совершении исполнительной надписи.

Начальным моментом течения шестимесячного срока является срок требования к обязанным по векселю лицам.

Согласно разъяснения Пленума Верховного Суда (прот. № 20 от 21/XI—27 г.—«Суд. Пр.» № 23—1927 года), срок требования по протестованному векселю в смысле п. 2 ст. 211 ГПК наступает для всех векселедержателей со дня протеста, т.е. со дня наступления права на получение приказа (исполнительной надписи). При совершении исполнительных надписей на протестованных векселях, выданных на имя или от имени юридического лица, нотариус не должен проверять действительности существования данного юридического лица. Ст.ст. 47—50 положения о нотариате, определяющие порядок совершения исполнительных надписей, не предусматривают обязанности нотариуса входить в проверку каких-либо обстоятельств, касающихся содержания протестованного векселя.

Нужно отметить, что если на векселях имя и отчество векселедателя и надписателя указаны не полностью, а только инициалами, то это обстоятельство не может служить основанием к отказу в исполнительной надписи. При неизвестности имени и отчества самого векселедержателя назначать какие-либо сроки для их выяснения нотариус не должен, так как исполнительная надпись должна быть сделана немедленно по представлении соответствующего для ее учинения документа. Нельзя также вносить в исполнительную надпись какие-либо исправления имени и отчества, кроме исправлений, касающихся допущенной ошибки в наименованиях.

При представлении для исполнительной надписи нескольких векселей от имени одного и того же векселедержателя против того же самого должника исполнительную надпись следует делать на каждом векселе отдельно, а не общую для всех векселей. Это следует из содержания ст.ст. 47 и 48 положения о нотариате, согласно которым исполнительная надпись делается на каждом документе (сделке).

Есть еще некоторые вопросы, связанные с совершением исполнительных надписей на документах. Так, исполнительная надпись не делается, если со дня срока требования прошло более шести месяцев. По договору залога, как и по всякому долговому требованию, может быть сделана кредитором отсрочка платежа на срок свыше шести месяцев со дня первоначального срока платежа. На первый взгляд может показаться, что в таком случае нельзя сделать исполнительной надписи, так как истек шестимесячный срок с момента возникновения права требования по основному документу. Но, разумеется, это не так. При совершении надписи на договоре залога об отсрочке платежа право требования исполнения по договору отодвигается к моменту наступления нового срока, являющегося, следовательно, и начальным сроком для исполнительной надписи.

Затем может ли смерть должника послужить препятствием к совершению исполнительной надписи на протестованном векселе? Возможность учинения исполнительной надписи обусловлена соблюдением шестимесячного срока со дня наступления права требования по векселю. При совершении надписи должник не вызывается. Следовательно, смерть должника не может служить основанием к лишению взыскателя права воспользоваться упрощенным порядком осуществления взыскания по векселю. Интересы правопреемников умершего в этом случае несколько не нарушаются, так как повестку об исполнении судебный исполнитель должен послать наследникам умершего или опеку над имуществом умершего, срок же на обжалование учинения исполнительной

надписи исчисляется со дня получения извещения об исполнении.

Наконец, заметим, что при представлении документов, на которых должна быть сделана исполнительная надпись, подавать письменного заявления не требуется. По общему правилу, все обращения в контору могут делаться словесно, за исключением случаев, прямо указанных в законе. Поэтому просьба о совершении исполнительных надписей может быть заявлена словесно, и письменное заявление является совершенно излишним.

Жалобы на совершение исполнительных надписей приносятся в порядке ст.ст. 231—234 Гр. Пр. Кодекса, как и на другие действия нотариусов.

Скажем еще несколько слов о сборах за исполнительные надписи. Сборы берутся по Таксе оплаты нотариальных действий. Судебные пошлины не взыскиваются. При этом нотариальные сборы взимаются также и с лиц и учреждений, свободных от уплаты нотариальных сборов. Уплаченные взыскателем сборы могут быть взысканы с должника наравне с прочими издержками производства по исполнению судебного решения (§ 262 истр. к пол. о нотариате).

Рассмотрим теперь вопросы, связанные с залоговыми свидетельствами. Залоговые свидетельства очень близко соприкасаются с залоговыми актами, существенно вместе с тем от них отличаясь. Но не всем ясна разница между этими двумя видами обеспечения требования залогодержателя к должнику, а в связи с этим не всегда отчетливо представляется самое содержание залогового свидетельства и сущность этого документа. По запросам отдельных нотариальных контор Отделом Судебного Управления НКЮ были разъяснены как эти, так и некоторые другие вопросы.

Договором залога обеспечивается требование залогодержателя к должнику. Залог строений и права застройки может быть обложен в форму договора залога, в таком случае залогодержателю выдается залоговый акт. Но в двух случаях залог строений и права застройки может производиться и на основании залоговых свидетельств. Это, во-первых, в обеспечение выдаваемых кредитными учреждениями ссуд, и, во-вторых, в обеспечение государственных подрядов и поставок. Таким образом, разница между договором залога, удостоверяемым в нотариальном порядке (залоговым актом), и договором залога, заключенным на основании залогового свидетельства, в смысле способа обеспечения требования кредитора, состоит в том, что залоговое свидетельство выдается только при залоге строений и права застройки, и лишь в указанных двух случаях (ст. 90 Гр. Кодекса), договор же залога может совершаться во всех случаях, когда какое-нибудь требование обеспечивается закладываемым имуществом, в том числе и в том случае, когда может быть выдано залоговое свидетельство.

Залоговое свидетельство, в отличие от залогового акта, не регистрируется в отделе местного хозяйства (коммунальном), но о наложении ареста на имущество при выдаче залогового свидетельства, нотариальная контора должна сообщить в отдел местного хозяйства (ст.ст. 81, 82 пол. о пот.).

Основное значение залогового свидетельства состоит в том, что при его выдаче налагается арест на указанное в нем имущество. В силу ст. 74 полож. о пот. аресты на строения, расположенные вне городов, нотариальными конторами не регистрируются. Нотариальное удостоверение сделок о залоге внегородских строений не обязательно, поэтому на такие строения не может выдаваться

залоговое свидетельство, так как нельзя наложить ареста на закладываемое имущество. В другом положении находится право застройки. Сделки о праве застройки регулируются Гражданским Кодексом и в том случае, когда подлежащие застройке участки находятся вне городов (примечание 2 к ст. 71 Гр. Код. и прим. к ст. 13 Зем. Код.). Аресты на право застройки по уезду регистрируются соответствующей нотариальной конторой по месту нахождения земельных участков, сдаваемых под застройку. Поэтому залоговые свидетельства на право застройки могут выдаваться во всех случаях, вне зависимости от того, расположены ли подлежащие застройке участки в городах, или вне городов и городских поселений.

В соответствии с тем, что залоговые свидетельства являются одним из способов залогового обеспечения и с выдачей их связаны ограничения по распоряжению имуществом, при выдаче залоговых свидетельств юридическому лицу следует проверять его правоспособность и действительность полномочий его представителя (ст. 36 полож. о нот.). Точно так же при выдаче залогового свидетельства на имущество, принадлежащее несовершеннолетним, необходимо согласие органов опеки и попечительства на залог имущества подопечного (ст. 86 Код. законов о браке, семье и опеке).

Сведения, помещаемые в залоговое свидетельство, указаны в ст.ст. 80—81 пол. о нот. Они характеризуют состояние имущества, поступающего в залоговое обеспечение. Исходя из самой природы залогового свидетельства, следует ответить отрицательно на вопрос, можно ли помещать в залоговое свидетельство условия о сроках погашения ссуды, пени, обязанности страховать имущество, о назначении ссуды и др. условия договорного характера. Действительно, из содержания ст.ст. 78—86 пол. о нот. видно, что залоговое свидетельство является документом, удостоверяющим, что на определенное имущество, служащее залоговым обеспечением, налагается арест. Отношения, служащие основанием для выдачи залогового свидетельства, могут оформляться в виде договоров подряда (поставки) или при представлении залогового свидетельства в кредитные учреждения могут облекаться в форму, установленную этими учреждениями для разного рода банковских операций (открытие кредита, выдача ссуды и проч.). Само же залоговое свидетельство не является договором, о чем свидетельствует и форма его, указанная в инструкции к положению о нотариате.

В силу ст. 82 положения о нотариате государственное учреждение или предприятие, приняв в обеспечение по договору подряда или поставки строение или права застройки, сообщает об этом в нотариальную контору, выдавшую залоговое свидетельство, для наложения ею ареста на заложенное имущество. Но такого сообщения не требуется, если в самом договоре указывается, что данное имущество принимается в залог на основании выданного залогового свидетельства, и если этот договор нотариально удостоверяется в нотариальной конторе, выдавшей свидетельство. В таком случае контора, не ожидая сообщения, налагает арест на принятое в обеспечение имущество одновременно с нотариальным удостове-

рением договора подряда или поставки и сообщает об этом в отдел местного хозяйства.

Следует иметь в виду, что коммунальные отделы обязаны соблюдать ст. 80 пол. о нотариате, требующую при заявлении о выдаче залогового свидетельства, представления, кроме справки о принадлежности закладываемого имущества, также и выписки из реестра владений отдела местного хозяйства. Но в тех случаях, когда в справке имеются достаточные сведения относительно имущества, нотариальные конторы не требуют представления того и другого.

Необходимо, однако, обратить внимание на то, что не всякая нотариальная контора может выдавать залоговое свидетельство. Такое право предоставлено лишь нотариальным конторам, ведущим регистрацию ареста на строения и право застройки (ст. 78 пол. о нот.). Регистрация же арестов производится подлежащими нотариальными конторами по месту нахождения имущества (ст. 4 пол. о нот.). Таким образом, данная нотариальная контора может выдать залоговое свидетельство лишь в том случае, если закладываемое имущество находится в районе этой конторы (в городе или уезде), и в ней же сосредоточена регистрация арестов на строения и право застройки. Так, например, при двух нотариальных конторах в городе выдать залоговое свидетельство может лишь первая контора, как ведающая регистрацией арестов, или не может нотариальная контора, расположенная в Волоколамске, выдать залоговое свидетельство на имущество, находящееся в Верейском уезде.

Наконец, остановимся еще на том, как совершается продажа строений и права застройки, обремененных залогом по ссуде, выданной на основании залогового свидетельства. В инструкции к пол. о нотариате указан порядок продажи обремененных залогом строений или права застройки с переводом долга на покупателя в том случае, когда имущество заложено по залоговому акту (§§ 172—174 инструкции). При залоге на основании залогового свидетельства порядок продажи несколько иной. В нотариальную контору должно быть представлено удостоверение кредитного учреждения, выдавшего ссуду на основании залогового свидетельства, о согласии его на перевод долга на имя нового приобретателя. Это удостоверение, содержащее все условия ссуды, равносильно подписи на залоговом акте о согласии кредитора на перевод долга. В сделку об отчуждении также включается условие о принятии на себя покупщиком долга, лежащего на имуществе, согласно сообщения кредитного учреждения. После нотариального удостоверения сделки купли-продажи строения или права застройки и сообщения кредитного учреждения, согласно ст. 82 пол. о нотариате, о принятии в обеспечение по залоговому свидетельству имущества, нотариальная контора налагает арест на имущество, перешедшее к новому приобретателю, и снимает арест, лежащий на имуществе продавца. В тех случаях, когда сделка купли-продажи совершается не в той конторе, в районе которой находится продаваемое имущество, требование об аресте посылается в нотариальную контору по месту нахождения имущества (ст. 4 пол. о нотариате). Копия ареста посылается в отдел местного хозяйства и в кредитное учреждение.

М. Прирадов.

Советское законодательство.

(Обзор за время с 26 февраля по 3 марта 1928 г.)

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Кредит и банки.

1. Пост. ЦИК и СНК СССР от 18 февраля об изменении ст. 36 положения о государственных трудовых сберкассах («Изв. ЦИК» от 28 февраля, № 50) предоставляет вкладчику право указывать сберегательной кассе лиц, которым вклад должен быть выдан в случае его смерти. Лицами этими могут быть физические лица, хотя бы они не были законными наследниками вкладчика, а также лица юридические. Таким образом, вкладчики сберкасс в настоящее время не ограничены в выборе лиц, в пользу которых они оставляют завещательные распоряжения, тем кругом, который указан в Гражданском Кодексе. Новым является также предоставление права устанавливать завещательные отказы в пользу лиц юридических. Порядок, в котором это право осуществляется, устанавливается НКФ. Действие постановления распространяется и на те распоряжения, которые были сделаны до его издания.

2. Пост. СНК СССР от 20 февраля об основаниях долгосрочного кредитования коопераций («Изв. ЦИК» от 2 марта, № 53) издано в целях удовлетворения потребности кооперативных организаций в такого рода кредите. Фонды долгосрочного кредитования, из которых выдаются ссуды на капитальные затраты, на увеличение оборотных средств и на образование или увеличение основных и специальных капиталов, учреждаются при кооперативных банках союзных республик (в РСФСР—при правлении Всекобанка). Фонды бывают общие, из средств которых выдаются ссуды всем системам кооперации, и специальные для выдачи ссуд организациям данной системы. Общий фонд составляется из ассигнований по государственному бюджету. Специальный же фонд образуется из обязательных ежегодных отчислений в размере не менее 5% от чистой прибыли кооперативных центров, союзов кооперативов, центральных рабочих кооперативов, городских и транспортных потребительских обществ, отчислений от чистой прибыли других кооперативов, на которых соответствующая обязанность возлагается соответствующими кооперативными центрами, из капиталов, передаваемых кооперативными организациями со специальными целевыми назначениями, из отчислений от чистой прибыли кооперативных банков и т. п. Кооперативные банки несут перед казной материальную ответственность за своевременный возврат в казну средств общего фонда, а перед соответствующими кооперативными организациями—за сохранность внесенных ими средств в специальные фонды. Ответственность эта сохраняет свою силу вне зависимости от фактических расчетов банков с отдельными ссудополучателями. Банки освобождаются от ответственности лишь в том случае, если ссуда из средств общего фонда будет выдана по распоряжению НКФ, а из специальных фондов—по постановлению правления соответствующего кооперативного центра (несмотря на предшествовавший отказ банка). Убытки кооперативных банков по операциям со средствами фондов покрываются за счет особого гарантийного фонда, а при его недостаточности—за счет запасного капитала банка. Гарантийный же фонд образуется от обращения в него части процентов, получаемых банком с заемщиков по операциям со средствами фонда. Долгосрочное кредитование осуществляется особыми отделами кооперативных банков, имеющими свой самостоятельный баланс.

3. Пост. СНК СССР от 3 января о дополнении ст. 3 положения о Комитете по делам банков при НКФ СССР и совещаниях по делам банков при народных комиссариатах финансов союзных республик («С. З.» № 8, ст. 68) вводит в состав комитета представителя, назначаемого по соглашению наркомземов союзных республик и республик Закавказской Федерации («С. З.» 1927 г. № 64, ст. 648).

Финансы.

4. Пост. ЦИК и СНК СССР от 29 февраля об изменении тарифа акцизных ставок на шелковые ткани внутреннего производства («Изв. ЦИК» от 2 марта, № 53) повышен акциз на указанные изделия с 1 января 1928 г. (см. пост. ЦИК и СНК СССР от 30 ноября 1923 г.—«С. У.» 1924 г., № 14, ст. 124).

5. Пост. ЦИК и СНК СССР от 29 февраля о повышении акциза с пива, портера и эля («Изв. ЦИК» от 2 марта, № 53), Размер акциза установлен в 55 руб. с 100 клгр. поступающего

в затор солода. Привозимые из-за границы указанные напитки облагаются акцизом в размере 10 руб. со 100 клгр., считая и упаковку. Пост. введено в действие с 1 марта (см. «С. З.» 1926 г. № 21, ст. 137).

6. Пост. СНК СССР от 3 января об изменении и отмене некоторых статей таможенных тарифов («С. З.» № 7, ст. 60) внесены изменения в общий тариф по привозной торговле, в дифференциальный тариф для товаров, привозимых и вывозимых через Мурманский порт, через порты Великого океана и сухопутную границу с Северным Китаем, через Азиатскую сухопутную границу и в общий тариф по вывозной торговле (см. «С. З. СССР» 1927 г. № 8, ст. 79).

7. Пост. ЦИК и СНК СССР от 18 января о дополнении ст. 4 пост. ЦИК и СНК СССР от 18 мая 1927 г. о государственном налоге на сверхприбыль применением вторым («С. З.» № 8, ст. 65). НКФ предоставлено право устанавливать продление срока опубликования норм прибыльности («С. З.» 1927 г. № 25, ст. 273).

Гражданский процесс.

8. Пост. ЦИК и СНК СССР от 22 февраля о подсудности гражданских дел кредитных учреждений и о правах этих учреждений по взысканиям с их должников («Изв. ЦИК» от 1 марта, № 52) установлено, что те требования, вытекающие из банковских операций кредитных учреждений, для которых специально не установлен административный порядок взыскания, подсудны общим судебным учреждениям. На основании документов, устанавливающих просрочку платежа по кредитным операциям, допускается выдача судебных приказов и учинение исполнительных надписей в порядке законодательства союзных республик. Обеспечение иска, выдача судебных приказов, учинение исполнительных надписей и немедленное исполнение судебных решений допускаются и в тех случаях, когда требования обращены к государственным учреждениям и предприятиям. Кредитные учреждения с участием государственного и кооперативного капитала в отношении очередности удовлетворения требований приравниваются к государственным. Соответствующие изменения должны быть внесены в законодательства союзных республик.

Хозяйственное законодательство.

9. Пост. ЦИК и СНК СССР от 22 февраля о постройке школьных зданий промышленными предприятиями, осуществляющими строительство рабочих жилищ («Изв. ЦИК» от 1 марта № 52). Все промпредприятия общесоюзного значения, проводящие строительство рабочих жилищ, обязаны производить постройку необходимых помещений для трудовых школ, обслуживающих детей рабочих этих предприятий, в тех случаях, когда школьные помещения данного района недостаточны для обслуживания полностью нужд рабочих. Строительство школьных зданий производится за счет средств рабочего жилищного строительства. Построенные здания передаются местным советам, которые обязаны выплатить стоимость построек на условиях, определяемых соглашением. Квартиры педагогическому и обслуживающему персоналу школ предоставляются на общих основаниях с рабочими предприятиями. Особо урегулирован вопрос о снабжении вновь выстроенных школьных зданий коммунальными услугами.

10. Пост. СТО от 29 ноября 1927 г. по докладу НК РКИ об использовании льняной промышленности в 1926—27 г. льняного волокна («С. З.» № 7, ст. 61).

11. Пост. СТО от 18 января о пятилетнем плане развития молочной промышленности СССР («С. З.» № 9, ст. 81).

Труд.

12. Пост. СНК СССР от 23 января о мероприятиях по привлечению работников в торговые аппараты СССР за границей («С. З.» № 9, ст. 78).

Транспорт и связь.

13. Пост. СНК СССР от 18 января о привлечении городских советов к участию в строительстве городских телефонных сетей («С. З.» № 7, ст. 57). Форма участия определена в виде выдачи Наркомпочтелю долгосрочных беспроцентных ссуд в размере не менее 25% стоимости соответствующих построек.

14. Пост. СНК СССР от 9 января о порядке утверждения положений о воинских и почтовых перевозках («С. З.» № 8, ст. 70). Положения эти утверждаются НКПС по соглашению с НКФ, а также с Наркомвоенмор и НКПиТ по принадлежности. Соответственно изменен устав железных дорог СССР от 24 мая 1927 г. («С. З.» № 30, ст. 308).

Просвещение.

15. Пост. Президиума ЦИК от 14 января утверждено положение об Институте Красной Профессуры при ЦИК СССР («С. З.» № 9, ст. 75). Институт красной профессуры призван учреждением всесоюзного значения, ведущим научно-исследовательскую и учебную работу на основах марксизма и ленинизма и имеющим своей задачей подготовку новых кадров научных работников и преподавателей высших учебных заведений, а также распространение идей и методов марксизма и ленинизма. Институт состоит из отделений: Философского, Экономического с кооперативным циклом, Исторического с циклами по русской истории, истории Запада и истории профессионального движения, Историко-партийного, Литературного, Правового и Отделения теоретического естествознания.

Разные.

16. Пост. СНК СССР от 31 декабря о предоставлении Союзу Обществ Друзей Обороны и авиационно-химического строительства «ОСОАвиохим» СССР исключительного права на изготовление нагрудного членского знака «ОСОАвиохима СССР». Исключительное право на распространение значка предоставлено как союзу, так и объединяемым им обществам и их местным организациям.

17. Пост. СНК СССР от 30 декабря об упразднении центрального, республиканских и местных комитетов спасания на водах при НКПС («С. З.» № 7, ст. 59). Вместо указанных комитетов учреждены общества спасания на водах.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Гражданский Кодекс.

1. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 13 февраля о дополнении Гражданского Кодекса РСФСР ст.ст. 156-б и 156-в («Изн. ЦИК» от 26 февраля, № 49). Временные жильцы, занявшие жилую площадь в национализированных и муниципализированных домах, а также в домах частно-владельческих в счет 10% нормы, на определенный договором срок, вне зависимости от продолжительности последнего, не приобретают права на возобновление договора по истечении его срока. В тех случаях, когда наниматель и поднаниматель принадлежат к трудовым категориям населения, поднаниматель, снявший жилую площадь в частновладельческом доме у основного нанимателя на обусловленный договором срок, также не приобретает в дальнейшем права на автоматическое возобновление договора.

2. Изложенное постановление вызвано соображениями жилищной политики. Теми же соображениями вызвано издание пост. СНК РСФСР от 16 февраля об изменении ст. 1 пост. СНК РСФСР от 15 ноября 1927 г. о мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях («Изн. ЦИК» от 26 февраля, № 49). Право горсоветов обязывать жилищно-арендные кооперативные товарищества и жилищные товарищества сдавать в их распоряжение всю освобождающуюся жилую площадь ограничено условием, чтобы члены названных товариществ были удовлетворены жилой площадью в размере не ниже средней для данного города фактической нормы.

Хозяйственное законодательство.

3. Пост. СНК РСФСР от 17 февраля утверждено Положение о Строительном Комитете РСФСР («Изн. ЦИК» от 26 февраля, № 49), состоящем при ЭКОСО РСФСР, в целях общего регулирования и рационализации строительного дела.

Кредит и банки.

4. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 13 февраля об изменении пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 18 января 1923 г. о коммунальных банках («Изн. ЦИК» от 28 февраля, № 50) издано в целях согласования пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 18 января 1923 г. («С. У.» № 4, ст. 82), с новым положением об акционерных обществах от 17 авг. 1927 г. («С. З.» № 49, ст. 500).

Труд.

5. Пост. СНК РСФСР от 21 февраля об изменении ст. 6 пост. СНК РСФСР от 20 сентября 1927 г. о государственном нормировании заработной платы служащих госучреждений («Изн. ЦИК» от 23 февраля, № 50). Для установления твердых ставок учреждений НК РКИ привлекает заинтересованные ведомства и профсоюзы. Твердые ставки устанавливаются к моменту рассмотрения бюджетов. Изменения в утвержденных штатах производится лишь РКИ в порядке рационализации работ.

6. Пост. СНК РСФСР от 16 февраля об улучшении положения медицинского персонала психиатрических больниц

(«Изн. ЦИК» от 28 февраля, № 50). Медработники, непосредственно обслуживающие душевно-больных, в случае профессионального заболевания, обеспечиваются в порядке социального страхования наравне с лицами, утратившими трудоспособность вследствие увечья. Врачам предоставляются научные командировки через каждые пять лет. Дети медработников, проработавших не менее трех лет в психиатрических учреждениях, принимаются в учебные заведения на одинаковых основаниях с детьми лиц физического труда.

Советское строительство.

7. Пост. СНК РСФСР от 1 февраля об упразднении комитетов и других организаций, образованных при районных и волостных исполкомах и сельсоветах на основании ведомственных постановлений («Изн. ЦИК» от 1 марта, № 52). Наркоматам и центральным учреждениям РСФСР предложено не издавать постановлений, предусматривающих создание комиссий или иных организаций помимо постоянных комиссий, существующих при названных органах, на основании Положения о постоянных комиссиях при вол(рай)исполкомах и сельсоветах (пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 21 марта 1927 г. — «С. У.» № 39, ст. 250). Созданные уже организации должны быть распущены с передачей их функций постоянным секциям. Оставляются лишь комиссии по назначению социального обеспечения при вол(рай)исполкомах.

Административное право.

8. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 6 февраля утверждено положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли («Изн. ЦИК» от 29 февраля, № 51). Такими обществами признаются добровольные объединения граждан, которые предметом своей совокупной деятельности избирают определенную постоянную цель, не связанную с извлечением материальных выгод для участников объединения или удовлетворением их экономических потребностей. Допускается производство коммерческих операций, ведение торгового-промышленного предприятий и осуществление различных хозяйственных задач лишь в том случае, если эти предприятия, операции и задачи непосредственно отвечают целям общества и являются необходимыми в управлении его делами, напр.: издательство, лаборатории, опытные станции и т. п. Не распространяется действие положения на религиозные объединения и на объединения профессиональные. Надлежаще утвержденные и зарегистрированные общества, не преследующие целей извлечения прибыли, соприкасающиеся в своей деятельности или аналогичные по своим целям и задачам, могут образовывать союз. Установлена разрешительная система учреждения обществ и союзов. Уставы обществ утверждаются соответственно наркоматами внутренних дел РСФСР и автономных республик, краевыми, областными, губернскими, окружными и уездными административными отделами и президиумами горсоветов. Административные отделы и горсоветы не утверждают уставов тех организаций, деятельность которых распространяется за пределы территории данного исполкома. Такие уставы направляются на утверждение в вышестоящие адм.отделы или наркомвнутдел. Отказывается в утверждении уставов, если цели и методы учреждаемой организации противоречат законам. Не утверждаются уставы обществ, угрожающих общественному спокойствию и безопасности, возбуждающих национальную рознь и вражду, ставящих целью изучение и развитие мистики, а также вообще ставящих перед собой неясные или неопределенные цели. Может быть отказано в утверждении устава и в том случае, если в данном районе уже существуют организации с аналогичными целями. Утверждение уставов в подлежащих случаях согласовывается с заинтересованными наркоматами и их местными органами. Возможна замена учредителей. Для рассмотрения вопроса об утверждении устава установлен двухмесячный срок. В двухмесячный же срок, по утверждению устава, общество или союз обязаны зарегистрироваться в органе, утвердившем устав. Лишь после регистрации приобретает право на открытие деятельности. Наблюдение за деятельностью организаций, не преследующих целей извлечения прибыли, возложено на регистрирующие их органы, а также на те учреждения, к компетенции которых относится соответствующая область деятельности. В случае обнаружения уклонений от утвержденного устава, не имевших последствием нарушения закона, обществу или союзу предлагается устранить допущенное отступление от устава в определенный срок. Если же уклонение нарушает закон, либо общество проявляет бездеятельность, выносятся постановления о его закрытии.

Просвещение.

9. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 6 февраля о передаче воспитанников детских домов в крестьянские семьи («Изв. ЦИК» от 3 марта, № 54) устанавливает, что проведение в жизнь постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 5 апреля 1926 г. («С. У.» № 21, ст. 168) дало возможность подготовить детей к сельско-хозяйственному труду и расширить охват детскими домами беспризорных детей с улиц. Дело патронирования детей должно в дальнейшем развиваться, для чего местным исполкомам предложено полностью и своевременно выполнять принятые на себя по договорам с крестьянскими семьями обязательства, установить дополнительные льготы по местным налогам и сборам для этих семей, организовать наблюдение и контроль за выполнением обязательств, принятых на себя крестьянскими семьями в отношении переданных им детей. Договоры с крестьянами должны заключаться на сроки не менее 3-х лет. В течение текущего года должна закончиться работа по заключению договоров.

Нотариат.

10. Пост. СНК РСФСР от 21 февраля о дополнении ст. 1 правил оплаты нотариальных действий примечанием 2 («Изв. ЦИК» от 3 марта, № 54). За совершаемые для крестьян и их объединений нотариальные действия по вкладным и ссудным операциям в кредитно-кооперативных организациях нотариальные конторы и народные суды взимают плату по таксе, установленной для волысполкомов и сельсоветов.

Лесное дело

11. Пост. ЭКОСО РСФСР от 21 января о порядке эксплуатации лесных насаждений полосы отвода дорог местного значения («Изв. ЦИК» от 1 марта, № 52). Лес используется на нужды местного дорожного строительства.

М. Брагинский.

В институтах и обществах.

В КОММАКАДЕМИИ.

Дробимость крестьянского хозяйства.

Этому вопросу было посвящено объединенное заседание 14 февраля секцией аграрной и государства и права Коммунистической Академии. Докладчик т. Кубанин дал историческое исследование вопроса о дробимости мелкого хозяйства и законов по ограничению дробимости в разных странах.

В эпоху крепостничества помещик стремился создать недробимость своего имения, объявляя его родовым достоянием, и по этому же образцу влиял на крестьянскую семью. Крепкая нераздробленная семья нужна была в эпоху крепостного права, как исправная тягловая единица.

Буржуазные революции изменили крепостнические порядки. Раздел стал средством осуществления «равенства». Дифференциация мелкого хозяйства при капитализме неизбежна. Внедрение капитализма в сельское хозяйство и вообще промышленное развитие той или другой страны имели те последствия, что отход части населения на заработок в промышленность усиливал дробимость хозяйств. Таким образом одной из основных причин дробимости является индустриализация.

В различных социальных слоях этот процесс проявлялся по-разному. Уходящий на заработки из маломощного хозяйства не особенно стремился поддерживать хозяйство. Его помощь главным образом шла на пропитание оставшейся в деревне семьи. Дробление в маломощных хозяйствах проявлялось меньше: нечего делить. Наоборот уход на заработки из зажиточных хозяйств не прерывает связи с хозяйством. Большая часть заработка идет на расширение средств производства и даже на усиление торгово-ростовщического капитала. В этих хозяйствах причиной дробления является стремление лиц, зарабатывающих на стороне, избавиться от обязанности вносить свой заработок, значительно превышающий земледельческие доходы, на расширение общего хозяйства. Помимо указанных причин нормальная дробимость мелкого сельского хозяйства вытекает из прироста населения и системы частной собственности на землю. При наследовании детьми хозяйства отца таковое неизбежно дробится на части.

Такой же вывод получается и по исследованиям, делавшимся по различным районам бывшей Российской империи до революции. Там, где был сильно развит отход на заработки, и вообще в промышленных губерниях дробимость крестьянских хозяйств сильнее, чем в земледельческих губерниях.

В различных буржуазных странах существуют разные порядки и законы по вопросу о дробимости. Например, во Франции существует свобода разделов. В Германии в промышленных районах также нет запрещения разделов. Во Франции сказывается влияние буржуазной революции, когда демократические идеи свободы хозяйственной деятельности в буржуазном обществе берут верх. Точно так же и в промышленных районах Германии несомненно сказывается влияние промышленной буржуазии. В земледельческих же районах Германии помещик имеет больше влияния и там действует законодательство о недробимости.

В чем состоит это законодательство? По большей части в установлении порядка едипосилия. Это значит, что в случае смерти собственника хозяйства наследует ему только один наследник, а остальные должны уходить из хозяйства, получив выкуп деньгами. Этот порядок все же не охраняет целостность хозяйства, ибо часто оно так обременяется долгами для выплаты части вышедшим из него наследникам, что просто в целом продается с молотка. Статистика в подробных случаях не улавливает происходящих процессов дробимости и концентрации землевладения.

Дробление хозяйств сопровождается в буржуазных государствах другим явлением—соединением земли и хозяйств. Мелкие раздробленные участки продаются и опять начинают сосредоточиваться в одних руках, чтобы снова раздробиться. Вернее, тут происходит не «соединение», а поглощение, экспроприация мелких собственников более крупными. В конце концов земля сосредоточивается у более крупных собственников, мелкие же только номинально собственники: хозяйство обременено долгами и фактически хозяином является банковский капитал.

В каких формах происходит дробимость у нас и необходимы ли меры

ограничения дробимости? На этот вопрос докладчик не дал ясного ответа, ограничившись общим выводом, что борьба с дробимостью в виду природы мелкого хозяйства и семейно-хозяйственных условий его существования больших результатов не дает. Усиление кооперирования и коллективизации мелкого хозяйства—это единственное средство уничтожения измельчания хозяйства.

При наличии национализации земли ограничение дробимости, поскольку оно все же необходимо, должно быть совершенно иным, заимствовать какие-либо порядки из буржуазного закона невозможно. Собирая землю в руках более крупных хозяйств (у кулаков) мы не допустим. А так как измельчание середняцкого хозяйства ведет к сосредоточению земли в руках зажиточной верхушки деревни, паллиативные меры борьбы с дробимостью придется проводить. Пока существует мелкое хозяйство, известную задержку разделов хозяйств—полного запрета разделов быть не может—надо признать необходимой. Докладчик указывает только на одно мероприятие—государственное кредитование для возмещения лиц, выходящих из хозяйств, признанных недробимыми.

Все выступления по докладу большей частью относились к вопросу, какие же меры ограничения разделов могут быть приняты в наших условиях и какие особенности вопроса о дробимости мы имеем за время революции.

Число дворов за время революции колоссально выросло, почти на десять миллионов по сравнению с дореволюционным числом хозяйств. Чем вызвано это измельчание хозяйств? Голодовка выбросила из городов многих новых жителей в деревню, поравнение землепользований и раздел помещичьих земель способствовали образованию миллионов новых самостоятельных мелких хозяйств, распад старой рабской семьи, борьба нового быта со старым и т. п.—все это повлияло на усиление дробимости. Указывалось, как на одну из причин, на систему налогового обложения, льготного для мельчайших хозяйств, что нередко ведет к разделам более крупных хозяйств.

Но можно ли считать закономерным наблюдавшийся доселе темп дробимости и можно ли признать этот темп нормальным и на будущее время? По это-

му поводу в прениях указывалось, что темп дробимости несомненно уменьшается. Ничего катастрофического в разделах хозяйств нет. Наша главная беда — это техническая и культурная отсталость крестьянского хозяйства. Даже при существующей дробимости наше мелкое хозяйство в среднем значительно крупнее мелкого хозяйства в любой европейской стране. Например, в Бельгии, во Франции на участке земли в четверть гектара, то-есть раз в пять меньше наших мелких хозяйств, ведется иногда значительное товарное хозяйство. Выгодность хозяйства достигается повышением техники и агрокультурности сельского хозяйства. Такие отрасли хозяйства, как садоводство, огородничество, птицеводство, молочное хозяйство на небольших участках земли ведутся часто сравнительно с большими деньгами и с значительным числом наемных работников.

Главное зло, таким образом, не в дробимости, а в отсталости нашего крестьянского хозяйства. В борьбе с дробимостью надо по-разному подходить не только к различным районам, но и к различию отдельных хозяйств.

Одно дело земледельческие районы, где самый тип хозяйства требует большого количества земли, где очень мало подсобных заработков, где не могут развиваться доходнейшие отрасли хозяйств на небольших участках земли. В этих районах ограничение разделов связано с вопросом об устройстве тех членов двора, которые при объявлении недробимости хозяйства вынуждены выходить из него. Государство должно создать систему кредитования на предмет выплаты известной части за выход этих лиц из хозяйств. Есть крестьянские предложения: таким выходцам помогать устраиваться в коллективных хозяйствах.

Другое дело промышленные районы, где может развиваться на небольших участках доходное хозяйство, приспособ-

ленное к потребностям больших городов, а эти потребности (молоко, яйца, масло, птица, овощи, фрукты, ягоды) пока долго будут не ограничены. В этих районах кроме того выход из хозяйства не так страшен, так как легче устроиться на заработки, переменить профессию и т. д.

Спор вызвал вопрос о том, должно ли быть централизовано законодательство по ограничению разделов или это дело лучше предоставить губисполкомам, крайисполкомам и правительствам автономных республик. Ненужность централизации доказывалась тем, что в зависимости от местных условий местная власть сумеет более жизненно и гибко разрешить все вопросы недробимости хозяйств. Кроме того нельзя пройти мимо дробимости и неустойчивости хозяйства, вследствие существующих порядков разделов, скидок-накидок в общине. Местной власти надо предоставить право в плановом порядке регулировать вообще землепользование в зависимости от состояния в земельном, промышленном, культурном отношении того или иного района. А не только издавать обязательные постановления для ограниченного числа хуторских и отрубных хозяйств, как это есть теперь по действующему Земельному Кодексу.

Конечно, общие основные указания, как подходить к разрешению вопроса об ограничении разделов, должны быть сделаны в законе центральной власти.

**

По поводу существующих статей Земельного Кодекса о недробимости и инструкции Наркомзема и Наркомюста о семейно-имущественных разделах указывалось в прениях на следующее.

В Земельном Кодексе фактически переписаны статьи из дореволюционного царского законодательства в отношении недробимости хуторских и отрубных хозяйств. В таком виде статьи не нужны и они оказались нежизненными. Очень мало губисполкомов воспользовалось своим правом издавать обяза-

тельные постановления о нормах недробимости хозяйств. К тому же закон говорит о необязательности этих постановлений для хозяйств, входящих в общину. Следовательно применение их ограничено.

А инструкция Наркомзема ввела много весьма важных положений, которые должны быть помещены в Земельном Кодексе. Например, порядок выселения из хозяйств по усмотрению земельных комиссий того или иного из членов двора, не могущих жить вместе. Лишение права получить полную стоимость за вложенный труд, так как остающиеся в хозяйстве члены двора получают все хозяйство, а выходящий получает из расчета на едока. Вопрос о стариках и т. п.

В последнее время в практике земельных комиссий встречается много таких случаев, когда вполне работоспособный старик-хозяин, что называется, сдается в архив: ему земельная комиссия присуждает алименты с сына и обязывает предоставить помещение. А в результате по условиям крестьянского хозяйства ни того, ни другого добиться нельзя, и старики лишаются всех своих прав. Или дело с выдворением из хозяйства. Кого выдворять и куда? Например, выдворяют при разводе супругов мужа, хотя все хозяйство велось им, и несомненно после выдворения главного работника хозяйство будет падать. Нужно ли в таких случаях отказывать в разделе земли? Не полезнее ли для детей, оставшихся с матерью, чтобы отец сохранил хозяйство и платил бы алименты. Все эти вопросы в разных комиссиях решаются по-разному, по усмотрению того или иного состава зем. комиссии.

Одним словом, вопрос о дробимости — трудный и сложный вопрос. В связи с пересмотром Земельного Кодекса надо его всесторонне осветить, проверить существующую практику, изучить ошибки и принять наиболее правильное решение.

А. Ли-н.

НОТ в органах юстиции.

ЗАМЕНА РЕГИСТРАЦИОННЫХ КАРТОЧЕК Ф. № 2 КАРТОЧКАМИ ПО Ф. № 1.

(Информационная сводка.)

Не подлежит сомнению то обстоятельство, что в делопроизводственном процессе одной из самых значительных по расходу времени операций является регистрация. Такое положение вещей, естественно, привело к тому, что регистрация стала постоянным объектом рационализаторских работ.

Рассматривая процесс изменения форм регистрации в исторической перспективе, приходится констатировать, что все упомянутые изменения сводились собственно говоря, к умалению регистрации, в частности, сокращению количества регистрируемых бумаг, с одной стороны, и к сокращению самих регистрационных записей, с другой стороны.

То обстоятельство, что с течением времени регистратура все более и более теряла свое значение, привело многих работников к той мысли, что регистрация сама по себе не может считаться неотъемлемой функцией делопроизводственного процесса, и что возможно достигнуть такого положения вещей, при котором отпадает надобность в какой бы то ни было форме регистрации. В частности, выдвигалось совершенно справедливо то предположение, что организация архива рационального как по четкой номенклатуре нарядов, так и по внешнему удобству хранения документов, в значительной

степени освободит делопроизводителя от наведения справок по регистрационным записям.

Перед изложением дальнейшего необходимо уточнить определение регистрации: «Под регистрацией понимается такая делопроизводственная процесс, при котором некоторые из признаков поступающих, а иногда и исходящих документов заносятся на другой документ, хранящийся в канцелярии и служащий орудием справки о местонахождении первых документов».

К числу «некоторых из признаков», упомянутых в приведенном выше определении понятия «регистрация» относятся, главным образом, такие, как номер документа, его исходящая дата, наименование корреспондента, отправившего документ, наименование части или должностного лица, которому документ передан для исполнения, № дела, в которое документ поступит после исполнения, краткое содержание документа и т. п. Само собою разумеется, что в разных учреждениях на регистрационных документах фиксируются не все из перечисленных признаков, но только некоторые и притом в различных учреждениях различные.

Обращаясь к регистрационному документу, употребляемому в местных органах юстиции (регистрационная карточка по ф. № 2), констатируем, что этот документ фиксирует следующие признаки: 1. Наименование корреспондента. 2. Дата поступления бумаги. 3. Номер бумаги. 4. Сущность содержания. 5. Номер дела или наряда. 6. Движение.

Из приведенных шести признаков первые четыре в той или иной форме обозначены на самом регистрируемом документе, признаки 5 и 6 определяются регистратором путем изучения поступившей бумаги.

Если учесть все то, что было сказано выше, станет понятным, что перед Оргпланом не мог не возникнуть вопрос о возможном сокращении числа учитываемых признаков. Само собою разумеется, что желательнее всего было бы не фиксировать такой признак, фиксирование которого требует большого расхода времени и не является существенно необходимым при наведении справок.

Нетрудно убедиться в том, что заполнение графы «сущность содержания» сложнее заполнения других граф.

В самом деле, наименование корреспондента, дата поступления бумаги и ее № чисто механически переносятся с регистрируемого документа на карточку. Здесь фактически происходит процесс переписывания.

Всего этого нельзя сказать в отношении графы «сущность содержания». Заполнение этой графы осложнено следующими обстоятельствами:

1. Необходимо перечислить или, по крайней мере, просмотреть бумагу для того, чтобы определить «сущность содержания».

2. Необходимо сформулировать собственными словами «сущность содержания» и заполнить на регистрационной карточке одну-две строчки соответствующей графы¹⁾.

Из сказанного ясно, насколько затрудняется регистрация заполнением графы «сущность содержания». По сведениям Оргплана, незаполнение упомянутой графы ускорило бы процесс регистрации в среднем в 2½ или в 3 раза. Таким образом, экономичность описанного мероприятия совершенно очевидна. Убедившись в этом, обратимся к разрешению следующего вопроса: не отразится ли упразднение графы «сущность содержания» на полноте справки. Для разрешения вопроса необходимо обратиться к тому, что было сказано выше. Для того, чтобы выделить определенную бумагу от ряда других поступающих в учреждение, — говорилось в начале этой статьи, — некоторые признаки, присущие этой бумаге, записываются на регистрационных карточках. Совершенно ясно, что в целях экономии надлежит стремиться к тому, чтобы количество фиксируемых признаков было бы по возможности минимальным.

Легко удостовериться в том, что следующие три признака всегда определяют индивидуальность бумаги.

Эти три признака таковы: 1) наименование корреспондента, от которого бумага исходит; 2) дата; 3) номер бумаги.

По этим трем признакам всегда можно определить, о какой именно бумаге идет речь. Эти же три признака фигурируют обычно в напоминаниях, ссылках и т. п.

Из сказанного ясно, что фиксировать в дополнение к трем указанным признакам еще и четвертый «сущность содержания» излишне, тем более, что фиксирование этого признака как раз наиболее затруднительно и требует большего времени, напряжения внимания и квалификации, чем почти механическое фиксирование остальных трех принципов.

Если до настоящего времени, однако, на карточке по форме № 2 сохранялась графа «сущность содержания», то это обстоятельство находило себе объяснение в том, что объективные условия первого момента перехода на карточную систему делопроизводства заставили возможно смягчить процесс отмены старой системы регистрации. Сохранение графы «сущность содержания» и ранее сводилось к записи излишних сведений, однако, неуверенность в достаточно тщательном ведении карточки на первых порах заставили сохранить графу «сущность содержания», как вспомогательную и могущую облегчить наведение справки при недостаточно четко организованных картотеке и архиве.

Так как регистрационная карточка ф. № 2 отличается от ф. № 1, главным образом, наличием графы «сущность содержания», то отмена упомянутой графы фактически свелась к замене формы № 2 формой № 1. (Фамилии частных лиц, записываемых в графе «сущность содержания» на к. ф. № 2, можно записывать в графе «№» карт. ф. № 1, ибо, если переписка исходит от частного лица, графа «№» не заполняется. Отметку о № дела, наряда возможно делать в графе «Движение» рядом с номером соответствующей части).

Летом прошлого года Оргплан разослал некоторым из губсудов и прокуратур предложение провести, в виде опыта, замену регистрационных карточек ф. № 2 формой № 1.

¹⁾ Изложенное относится, главным образом, к тем случаям, когда входящая бумага не имеет «краткого содержания», нанесенного на поля бланка или в заголовочной части.

Но даже и в противном случае все равно приходится, хотя бы бегло, проверить правильность формулировки краткого содержания и заполнить одну-две строки в соответствующей графе карточки.

Поступившие до настоящего времени сообщения с мест свидетельствуют о том, что это мероприятие в подавляющем большинстве случаев проведено в жизнь и дало положительные результаты, в частности, ускорило движение документов и упростило регистрацию.

Нижегородский губернский суд сообщает:

«Регистрационная карточка ф. № 2 с 1 августа заменена карточкой по ф. № 1. Заменой карточки ускорен темп прохождения переписки и дел от регистратуры до назначения».

Если ранее корреспонденция ежедневная успевала проходить лишь через сутки с момента ее поступления к регистратору до места назначения то с упразднением карточки по ф. № 2 таковая сдается в день поступления.

Новгородский окружной суд пишет:

«... Замена регистрационных карточек ф. № 2 карточками ф. № 1 окрudsом произведена 1 октября с. г., т.-е. с момента перехода губернии на новое административное деление, при чем с упразднением карточек ф. № 2 и введением карточек ф. № 1 достигнуто следующее... минимальная затрата времени для регистрации бумаг на карточке ф. № 1 и быстрота наведения справок к какому делу или наряду относится бумага. Особых дефектов после замены карточек до сего времени не наблюдалось. На основании изложенного окружной суд считает, что замена регистрационных карточек ф. № 2 карточками ф. № 1 вполне целесообразна».

Прокурор Саратовской губернии уведомляет Оргплан:

«... Сообщаю, что карточка № 1 введена в Саратовской прокуратуре (вместо карточек ф. № 2) с 1 сентября с. г. и в губуправлении вполне оправдала себя положительными результатами».

При бесспорном сокращении работы по регистрации соответствующей части входящей корреспонденции не было ни одного случая затруднения при справках. Принятыми в губуправлении правилами карточки ф. № 1 связаны не только с нарядами, но в нужных случаях и с карточками ф. № 12 и 13 (когда заявления поступают через другие органы и возможны запросы только по датам и номерам).

Благодаря установленной классификации групп корреспондентов (с выделением лишь немногих индивидуальных корреспондентов, с которыми переписка имеет место часто), карточка ф. № 1 не имеет громоздкого вида и требует очень небольшого расхода карточек.

Прокурор Тверской губернии пишет:

«Сообщаю, что рекомендованная Организационно-Плановым Отделом карточка по ф. № 1, вместо существовавшей карточки по ф. № 2, в прокуратуре Тверской губ. введена: в губуправлении с 20 июля и по уездам по мере израсходования высланного запаса карточек по ф. № 2. С введением в делопроизводство карточки ф. № 1 вместо ф. № 2 заметно значительное уменьшение работы для регистратора без ущерба для общего дела, а так как штаты канцелярии прокуратуры по количеству возложенной на нее работы весьма незначительны, то всякое упрощение можно только приветствовать».

Губернская прокуратура, не останавливаясь на упрощениях, вводимых Оргпланом, иди по этому пути дальше, отказалась от регистрации на карточках по ф. № 1 всех бумаг, поступающих от пом. губпрокурора и только статистический учет удерживает прокуратуру отказаться от полной (отмены) регистрации всех вообще поступающих бумаг».

Воронежский губернский суд уведомляет:

«... рекомендуемая Вами замена карточек ф. № 2 карточками ф. № 1 проведена в жизнь и до настоящего времени никаких дефектов от этой замены не наблюдалось».

Калужский губернский суд сообщает, что замену карточек ф. № 2 карточками ф. № 1 «... находит рациональной».

Интересно отметить то обстоятельство, что некоторые органы юстиции пошли дальше предложений Оргплана, и вместо паллиативной меры — замены регистрационной карточки ф. № 2 формой № 1 — предлагают полную отмену второй формы. Названное предложение выдвигается на том совершенно справедливом основании, что при рационально поставленном архиве с четкой номенклатурой нарядов (главным образом, по предметному признаку) лицо, наводящее справку, знает в каком наряде лежит нужная бумага, а потому наводит справку непосредственно в текущем архиве, не обращаясь к картотеке.

По этому вопросу местные органы юстиции сообщают следующее:

Саратовский губернский суд, после обследования, произведенного ст. инструктором Оргплана, «... полагает, что упразднение в отделах и частях губсуда регистрации бумаг на карточках по ф. № 2 не может болезненно отразиться на работе канцелярии, в частности, на выдаче справок, а поэтому про-

сит санкции НКЮ на проведение этого мероприятия как в губсуде, так и в судебно-следственных участках губернии...». Мероприятие губсуда было немедленно санкционировано Оргпланом.

Прокурор Самарской губернии «... сообщает, что замена регистрационной карточки по ф. № 2 карточкой по ф. № 1 была проведена в г. Самаре 1 сентября и в уездах 1 октября с. г. Переход был сделан после совещания технических работников прокуратуры, которое нашло, что карточка по ф. № 1 имеет перед карточкой ф. № 2 преимущество и это преимущество выражается, прежде всего, в своей упрощенной форме, благодаря чему упростилась и сама регистрация, в экономии времени и экономии самих карточек (карточка по ф. № 1 разделена на две половинцы).

Рассматривая вопрос о целесообразности и необходимости ведения регистрации поступающей корреспонденции, можно с уверенностью сказать, что дальнейшее ведение регистрации по карточке по ф. № 1 излишне, как совершенно нежизненное и ненужное. Из практики канцелярской работы прокуратуры наблюдается, что при обращении посетителя за какой-либо справкой он сейчас же, по указанию старшего секретаря, получает ее от секретаря отделения. Наведение же самой справки никаким образом не связано с регистрационной карточкой, так как секретарь отделения обращается исключительно к нарядам...».

Чрезвычайно ясно и убедительно сформулированы доводы за упразднение регистрационной карточки по ф. № 2 в письме Архангельского губернского прокурора, который обратился в Оргплан со следующим предложением:

«Практика работы Арх. губпрокуратуры за 1927 год дает основание поставить перед Орготделом НКЮ вопрос об упразднении регистрационной карточки по ф. № 2.

Основными предпосылками этого являются:

1. Заполняемая в течение года карточка по ф. № 2 отнимала время у регистратора без всякой продуктивности в работе, ибо к помощи таковой в течение года приходилось прибегать максимум раз 10, что можно было бы сделать с немалым успехом, не прибегая к этой карточке, путем справки, наведенной в самом наряде.

2. Регистрация на карточке по ф. № 2 производится не всем поступающим в губпрокуратуру бумагам, а лишь бумагам, главным образом, корреспондентского характера, ибо переписка по жалобам, заявлениям, следственным делам, судебным делам и т. п., т.-е. та переписка, которая проходит по карточкам ф. №№ 11, 12, 13 и 17, на карточке ф. № 2 не регистрируется, как не регистрируются и бумаги, поступающие в обязательном порядке, — протоколы, ежедневные сводки и т. п. След., сама карточка по ф. № 2 ничего целого не представляет и ценности не дает.

3. Контролем названная карточка служить также не может по тем причинам, которые указаны в предыдущем пункте.

4. Упразднение названной карточки дает возможность сократить прохождение переписки в самой губпрокуратуре, минуя прохождение регистратуры, направляя непосредственно исполнителю.

6. В значительной мере разгрузить работу уездных камер, где она (карточка, по ф. № 2 Л. Ф.) реальной помощи не дает.

7. И если провести упразднение данной карточки в республиканском масштабе, то получится значительная экономия средств, могущая пойти на улучшение техники делопроизводства в других областях работы...».

Сибирский краевой суд пишет: «... что упразднение карточки ф. № 2 предполагается провести лишь с 1 января. Непроведение рекомендованной Вами реформы вызывалось недостаточной четкостью работы канцелярии».

Тверской губернский суд уведомляет, что «... регистрировавшиеся ранее входящие бумаги на карточках ф. № 2 в настоящее время регистрируются на карт. ф. № 1 тем порядком, который указан в сообщении НКЮ от 5 июля за № 18П29. За время введения этой новой регистрации каких-либо недоумений в смысле усложнения наведений той или иной справки не было, а, наоборот, уничтожением на карточке записей краткого содержания бумаги сократилось до некоторой степени время у технического работника на регистрацию по старой форме карточки.

Перечислив доводы, высказанные местными органами юстиции за проведение описываемого мероприятия, обратимся к тем органам юстиции, которые заняли в этом вопросе промежуточное положение или высказались против предлагаемой реформы:

Иваново-Вознесенский губ. суд пишет:

«Регистрация корреспонденции на карточках ф. № 2 во всех отделах губсуда (кроме адм.-хоз.) упразднена, вся поступающая переписка, имеющая непосредственное отношение к делам (согласно «Руководству»), никакой регистрации не подвергалась и раньше, остальная же переписка, не имеющая непосредственного отношения к делам очень незначительное количество) в настоящее время также не регистрируется, так как последнюю без затруднения можно разыскать в соответствующих нарядах».

Суммируя доводы против упразднения регистрационной карточки по ф. № 2, Иваново-Вознесенский губсуд заключает:

«... таким образом, только потому, что не зная содержания той или иной бумаги, часто невозможно непосредственно установить ее местонахождение... полностью отказаться от карточки по ф. № 2 нецелесообразно».

Краевой прокурор Сибири пишет:

«Сообщаем, что от полной замены карточек по ф. № 2 с карточками по ф. № 1 мы воздержались по следующим соображениям... при регистрации корреспонденции лишь по карточке № 1, на которую содержание бумаги не заносится, можно дать справку о поступлении бумаги и назвать наряд, в который она приобщена лишь в отношении бумаг с индивидуальным номером. От прокуроров же и НКЮ от одного и того же числа за одним и тем же номером может поступить много бумаг, и коль скоро содержание бумаги в карточке № 1 не фиксируется регистрация таких бумаг лишь по этой карточке будет совершенно беспечна. В настоящее время опыт замены карточки ф. № 2 карточкой ф. № 1 проводится в отношении бумаг, идущих в общую канцелярию и финанс.-хоз. часть; с началом нового канцелярского года будет поставлен вопрос о переходе на преподанный Вами порядок регистрации бумаг и в отношении бумаг, идущих в остальные функционалы (части. Л. Ф.) или полностью, или с сохранением карточки ф. № 2 для регистрации незначительной группы бумаг».

Против замены карточек ф. № 2 карточкой ф. № 1 высказываются: Смоленский губернский суд, Смоленский губернский прокурор и прокурор Воронежской губернии:

Смоленский губсуд пишет:

«... Губернский суд считает упразднение всякой регистрации, поступающей переписки преждевременным. Номенклатурные списки при их обширности не дают возможности всегда и точно отнести переписку к соответствующему наряду, особенно в тех случаях, когда по содержанию переписки относится более, чем к одному вопросу. В таких случаях бывает трудно определять, в каком наряде должна быть переписка. Тот же недостаток выявляется и при регистрации переписки на карточке по ф. № 1, когда, например, при получении нескольких переписок от одного корреспондента на суда за одним номером К2, от одного и того же числа и месяца нет возможности установить по этой карточке (повидимому, № 1. Л. Ф.), о чем была та или другая переписка».

Прокурор Смоленской губернии пишет:

«... рекомендованная Вами замена карточек второй формы карточка ми формы № 1 была детально обсуждена на совещании технических сотрудников губпрокуратуры и от проведения таковой воздержались по мотивам трудности ориентировки по карточке ф. № 1 по основным вопросам, как-то: невозможность узнать фамилию и сущность жалобы...»

Прокурор Воронежской губернии уведомляет Оргплан:

«Карточки по форме № 1 у нас заведены с 1 августа 1927 г. Достоинство этих карточек, по нашему мнению, заключается только в том, что потребное время для регистрации бумаг при пользовании ими значительно сокращается в сравнении с карточками по форме № 2. Однако, для наведения разных справок (пока регистрации вообще у нас еще существует) карточки по ф. № 2 значительно удобнее».

По существу доводов, приводимых за сохранность карточки по ф. № 2 можно возразить следующее:

Неточность номенклатурных списков, на которую ссылается Смоленский губсуд, и то обстоятельство, что возможны случаи поступления бумаг, затрагивающих несколько вопросов, конечно, осложняют справку непосредственно по наряду, и, быть может, в некоторых случаях приведут к справке по картотеке. Однако, такую справку возможно получить не только по карточке ф. № 2, но и по карточке ф. № 1, ибо последняя содержит запись о корреспонденте, номере и дате бумаги, а также и о номере того наряда, в котором бумага находится.

Правда, приводится еще и другой довод: сообщается, что возможны случаи поступления от одного корреспондента, от одного и того же числа, за одним и тем же номером несколько

бумаг, по такие случаи именно только «возможны» и строить всю систему регистрации применительно к этому будет нецелесообразно.

Кроме того, даже если и предположить возможность поступления таких бумаг, особых осложнений все-таки не получится. В худшем случае на одной и той же карточке будет зарегистрировано несколько бумаг, одинаковых по номеру и дате, и против каждой записи будет стоять номер соответствующего наряда. Значит, при получении справки придется только перебрать несколько нарядов, чтобы добраться до нужного документа. Конечно, это несколько осложнит справку, но, как было сказано выше, таких случаев очень немного; поэтому общее упрощение системы регистрации с лихвой искупит те осложнения, которые смогут возникнуть в редких случаях.

Ссылаются на то обстоятельство, что на карточке ф. № 1 трудно ориентироваться по основным вопросам, как-то: «невозможно узнать фамилию и сущность жалобы».

Против приведенного замечания можно возразить следующее: жалобы и заявления регистрируются в органах прокуратуры на карточках по ф. № 12, поэтому все справки по жалобе должны наводиться по этой карточке. При поступлении же иной корреспонденции от частных лиц, фамилии последних можно записывать в графу «№» карточки по ф. № 1 (графа «№» в этих случаях может быть использована для записи фамилий, ибо переписка, поступающая от частных лиц, исходящего номера не имеет). Совершенно справедливы общие указания возражающих против карточки по ф. № 1 на то обстоятельство, что карточка по ф. № 2, полное, по речи как раз и идет о том, что эта «полнота» обходится слишком дорого и по существу своему вовсе не необходима, что и под-

тверждается отзывами большинства органов юстиции (за сохранение второй формы высказались только три письма).

Чем же объясняются разногласия, возникающие по вопросу о замене регистрационных карточек по ф. № 2 более простой формой № 1? Источник этих разногласий следует искать в общем положении делопроизводства различных органов юстиции. Там, где разметка по нарядам производится более тщательно, а номенклатура нарядов уточнена, где орудия хранения документов (обложки и шкафы) удобны в отношении легкости доступа к архивному материалу, создаются достаточные предпосылки к упрощению регистрации в более или менее радикальной форме.

Об этом свидетельствует весь тот материал, который был изложен выше. Особо симптоматично, что инициаторами самого радикального упрощения являются сплошь и рядом местные органы юстиции.

Конечно, механическое упрощение системы регистрации без учета реальных предпосылок, имеющихся налицо в том или ином органе юстиции, никакой пользы принести не может. Требуется особая бережность к делопроизводственному аппарату, и только ясное сознание возможности осуществления того или другого мероприятия может предшествовать проведению последнего в жизнь.

Поэтому с особым удовлетворением надлежит отметить то обстоятельство, что все местные органы юстиции, высказавшиеся, как за, так и против предлагаемого мероприятия, проявили к нему большой интерес и дали богатый материал для дальнейших работ в области упрощения и уточнения действующей системы делопроизводства.

Л. Фрадкин.

По союзным республикам.

Работа органов юстиции Таджикистана.

Аппарат Советской юстиции Таджикистана самый молодой в СССР.

Таджикская Республика существует с 15 марта 1925 года. До лета этого года вся Советская юстиция ограничивалась отделением Верховного Суда Бухарской Народной Советской Республики, куда Таджикистан входил до национального размежевания Средней Азии, и военной трибунала.

Лишь в середине 25 года были сделаны первые попытки организации низовой советской юстиции.

В первую очередь судебно-следственные участки были созданы в наиболее крупных городских пунктах. Лишь постепенно сеть развертывается и начинает охватывать и кишлаки.

В данный момент аппарата юстиции с точки зрения районирования характеризуется двумя признаками: с одной стороны, низовые органы еще недостаточно развернулись. На каждый участок народного суда и камеры, народного следователя, которых еще только по 11, приходится 20.300 кв. километров территории и 67,7 тысяч жителей. Для сравнения укажем, что в РСФСР в 26 г. в губерниях судебный участок обслуживал территорию 1.132 кв. километра и около 30.000 жителей, следственный: 2.070 кв. километров территории и 54.200 жителей. Между тем, работа суда и народных следователей в национальных образованиях на много сложнее, чем в русских губерниях.

С другой стороны, в Таджикистане имеется НКЮ, отделение Верховного Суда Узбекистана и целых четыре окружных суда. При наличии 11 народных судов такая подстройка непроизводительна и нецелесообразна. Вполне целесообразна реформа, которая бы заключалась в ликвидации отделения Верхов-

ного Суда и окружных судов к замене их Главным Судом.

Результатом незначительности сети является еще значительная популярность шариатских судов. Их в Республике к началу 27 года имелось 14, т.е. больше чем народных судов. НКЮ ведет совершенно правильную политику наступления на шариатские суды. Одно время казии (судьи шариатских судов) имели обширную подсудность. Только 2 апреля 26 г. из их ведения были изъяты уголовные дела и гражданские иски на сумму свыше 500 рублей. Но еще до сих пор дела о браке и наследстве и иски на сумму до 500 рублей оставлены в ведении казиев. НКЮ Таджикистана поставил своей задачей ликвидацию шариатских судов в 27 г. в двух вилайетах. Если удастся этому предположению осуществиться, то число шариатских судов к 28 году сократится до 10.

Условия работы органов юстиции Таджикистана чрезвычайно тяжелые. К безконечным расстояниям, бездорожью, разбросанности населения (на 1 кв. километр приходится около 3 чел. населения), прибавим еще тяжелые материальные условия и полное отсутствие работников.

Материальную обстановку может характеризовать помещение, занимаемое самим Наркомюстом. В двух комнатах кибитки, из которых в одной 4—5 саж., в другой полторы сажени, работает 13 человек. В меньшей из этих комнат, являющейся проходной, сидят: наркомюст, его заместитель, заведующий отделом прокуратуры и переводчик, в большей размещено 8 столов. Для разрешения секретных дел приходится выходить или же переписываться с посетителями. В таком же положении находятся и остальные органы юстиции.

Положение с личным составом чрезвычайно острое. К моменту организации органов советской юстиции республика коренных жителей для занятия должностей в аппарате юстиции совершенно выдвинуть не могла, и «весь состав этого аппарата в первое время был импортированный».

Набор работников производился весьма примитивно. Командируемому в Ташкент военному работнику однажды было поручено пригласить для работы в Таджикистан несколько человек. В результате набор семи человек, из которых шесть вскоре оказались непригодными к работе, обошелся НКЮ в 10.000 руб. Текущая стоимость состава достигает рекордных в СССР цифр, например, в течение двух дел наркомюст сменялся семь раз, зам. отд. судостроительства 8 раз, зав. отд. прокуратуры 7 раз, председатель и зампред Гиссарского окружного суда 13 раз, прокурор этого же суда 15 раз. Хроническим явлением остается вакантность должностей.

Несмотря на тяжелые условия работы и отсутствие постоянного руководства, учитывая и возраст советской юстиции Таджикистана, нужно констатировать известные успехи в ее работе.

Например, сюда относятся, кроме постепенного расширения сети и курса на изживание шариатских судов, еще коренизация аппарата. В судебных органах к началу 27 г. имелось 43 таджика, 8 узбеков, 5 татар. Окружные суды обеспечены представителями коренных националов на 60—70%.

Но зато прокуратура только коренизирована на 14%. При Дюшамбекском окружном суде открыты юридические курсы. 1 выпуск курса был приурочен к 15 марта 26 г. Курсы дали возможность повысить квалификацию низовых работников. При этом, однако, была допущена ошибка. Некоторых курсантов НКЮ сразу назначил на самостоятель-

ную работу, вследствие чего, они с таковой не смогли справиться. В дальнейшем предполагается обратить главное внимание на практическую подготовку работников. В октябре 26 г. в 4 вилайетах проведены совещания, которые прошли довольно удачно.

Касаясь недочетов в работе, нужно сказать, что они пока значительны. Слаб охват судом населения. Количество возникающих в судах дел свидетельствует, что суд еще недостаточно авторитетен среди населения. Но ряд фактов свидетельствует и о том, что авторитет суда растет, и население постепенно все больше и больше обращается за разрешением своих споров в суд. Очень высок процент прекращения уголовных дел. В народных судах в 26 г. прекращено около $\frac{2}{3}$ рассмотренных уголовных дел, в окружных судах свыше трети. Процент оправданных также высок. Оправдано в этом же году свыше трети лиц, преданных суду.

Медленно рассматриваются такие дела, как должностные, бракоразводные, трудовые. Например, в 26 году в нарсудах рассмотрено 42 трудовых дела и в то же время на 1 января 27 г. в остатке их имелось 95. Бракоразводных дел было рассмотрено 57, осталось на 1 января 27 г. 103.

Оказание юридической помощи проводится в незначительных размерах. Коллегия защитников функционирует только в двух населенных пунктах.

Слабо проводится общественная работа.

С большим трудом удается наладить перевод на национальный язык кодексов. В прошлом этот перевод не удавался, вследствие того, что за перевод на таджикский язык кодекса узбекские издательства требовали крупных сумм. Например, за издание Гражданского и Уголовного кодексов при тираже 1.000 экз. каждый НКЮ должен был заплатить 5.350 руб.

В 1927 году предполагается кодексы эти печатать в двух газетах по два раза в месяц по половине газетного листа, что обойдется в несколько раз дешевле.

Выездные сессии проводятся в той мере, в какой позволяют средства. Число их, учитывая расстояние, незначительно.

Плохо налажена статистика. До сих пор места не отчитываются регулярно перед НКЮ, и их работа полностью НКЮ неизвестна.

Подводя общий итог, нужно сказать, что основная причина всех недостатков—это отсутствие твердого кадра руководящих работников. Благодаря ему до сих пор слабо поставлено инструктирование, и юстиция не имеет должного авторитета. На подбор работников должно быть обращено максимальное внимание как партийных органов Таджикистана, так и ЦК ВКП (б).

В. Шохор.

Библиография.

Гражданский Кодекс РСФСР с изменениями и дополнениями по 10 февраля 1928 г. Издание неофициальное. Изд-во «Рабочий Суд». Ленинград. Цена—90 коп.

Сборник вышел из печати в конце февраля 28 г. с многообещающей обложкой, предлагающей покупателям изменения и дополнения по 10 февраля 1928 г. Однако, всякого уплатившего за книжку 90 коп. ждет глубокое разочарование, ибо ссылка на изменения и дополнения по 10 февраля, является не чем иным, как введением покупателя в заблуждение.

Хотя в сборнике и помещены некоторые новеллы, опубликованные в январе настоящего года, однако, целый ряд изменений статей ГК, опубликова-

ных как в январе и феврале, текущего года, так и в течение 1927 г., в сборник не попали.

Ст. 81-а, принятая еще 27 апреля 27 г. (С. У. 27 г. № 43), отсутствует.

Текст примечания 2 к ст. 150, измененный еще 22 августа 27 г. («Изв.» 4/IX—27 г.), приведен в старой редакции.

Ст. 164 помещена в старой редакции, измененной еще 25 июля 1927 г. («Изв.» 19/VIII—27 г.).

Ст. 295 дана в старой редакции, измененной 20 декабря 1927 г. (в то же время ст. 296, измененная тем же законом от 20 декабря, помещена в новой редакции).

Не включена ст. 324-а («Изв. ЦИК» 21/VIII—27 г.).

Не включены примечание 2 к ст. 338-а и примечание 2 к ст. 349 («Изв.» 21/VIII 1927 г.).

В приложении 3—«о мерах к урегулированию торговых операций гос. учреждений и предприятий»—ст. 5 приведена в старой редакции, измененной 1 августа 27 г. («Изв.» 21/VIII—27 г.).

В приложении 6 (к ст. 54) помещен стамбульский декрет ВЦИК и СНК от 21/VIII—24 г. «об условиях и порядке отчуждения муниципализированных строений» и не помещено новое постановление от 25 июля 1927 г. («Изв.» 14/VIII—27 г.).

Само собою разумеется, что при наличии таких дефектов, текст Гражд. К. д. не может быть признан соответствующим своему назначению и является для пользования совершенно непригодным.

Д

ОТ РЕДАКЦИИ.

1. Редакция просит авторов присылать рукописи, перепечатанные на машине или написанные четким почерком на одной стороне листа.
2. Редакция оставляет за собой право сокращений и редакционных поправок, не влияющих на содержание, если нет прямого возражения автора.
3. Непринятые рукописи обратно не возвращаются.
4. Гонорар получается в Редакции самими авторами. Иногородным высылается за вычетом почтовых расходов, если указан точно адрес.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: ЦИРКУЛЯРЫ НКЮ: №№ 29, 31, 33, 34, 35; издание.—ЦИРКУЛЯР ВЕРХ. СУДА № 3.

Циркуляры НКЮ.

НКЮ № 29.
Циркуляр НКТ № 43.

Всем край, ссл. и губ. судам.

Копия: Всем кассам социального страхования.

О порядке удержания алиментов из сумм пенсий и пособий, выплачиваемых застрахованными органами социального страхования.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 18 октября 1926 г. «О дополнении ст. 289 ГПК РСФСР» («Изв. НКТ РСФСР» 1926 г., № 41—42) допускает взыскание по исполнительным листам платежей на содержание членов семьи (алиментов) с сумм, которые органами социального страхования выплачиваются застрахованным в качестве пособий по временной нетрудоспособности и с сумм пенсий, выплачиваемых инвалидам труда.

В целях облегчить взыскателям получение присужденных им алиментов с сумм пенсий и пособий Народный Комиссариат Юстиции и Народный Комиссариат Труда в развитие ст. 289 ГПК устанавливают следующий порядок удержания алиментов:

1. В случаях, когда работающий в государственном или предприятии должник, вследствие временной потери им трудоспособности, получает в течение не менее месячного срока пособие по временной нетрудоспособности, выдаваемое ему страховой кассой, государственное, предприятие или суд, исполнитель пересылает лист в страховую кассу с надписью об удержании алиментов из пособия по временной нетрудоспособности.

2. Государственное или предприятие, передавшее исполнительный лист страховке, сообщает об этом судебному исполнителю.

3. Страховая касса, по получении от госпредприятия или государственного исполнительного листа, производит в соответствии с 289 ст. ГПК РСФСР удержание алиментов из сумм причитающихся должнику пособий, выдавая или высылая взыскателю за его счет удержанные из пособия суммы алиментов. Одновременно страховая касса делает на исполнительном листе отметки о выданных взыскателю суммах.

4. Если должник состоит на работе в частном предприятии или у частного лица, то исполнительный лист пересылается страховой кассе судебным исполнителем, а удержание алиментов из сумм пособий производится порядком, указанным в ст. 3 настоящего циркуляра.

5. По прекращении выдачи должнику пособий по временной нетрудоспособности, исполнительный лист пересылается страховой кассой государственному или госпредприятию или судебному исполнителю по принадлежности.

6. При обращении взыскания алиментов на суммы пенсий, судебный исполнитель посылает в страховую кассу запрос о сообщении в недельный срок дня получения извещения срок о размере получаемой должником пенсии.

7. По получении этих сведений судебный исполнитель производит исчисление, подлежащих удержанию сумм алиментов и препровождает в страховую кассу исполнительный лист, предлагая кассе выдавать или высылавать взыскателю за счет последнего по указанному судебным исполнителем адресу суммы алиментов, удерживаемых при выдаче пенсии должнику.

8. Страховая касса о производимых из пенсии удержаниях делает отметки на исполнительном листе.

9. При перемене местожительства пенсионером страховая касса одновременно с пересылкой его пенсионной книжки пересылает в кассу социального страхования по новому местожительству должника исполнительный лист, на основании которого производится удержание из пенсии. Одновременно с отправкой исполнительного листа в кассу по новому местожительству пенсионера страховка сообщает об этом судебному исполнителю.

Народный Комиссар Юстиции Янсон.

Народный Комиссар Труда РСФСР Бахутов.

18 февраля 1928 г.

Циркуляр № 31.

Всем краевым (обл., губ. и скр. судам, НКФ АССР, Зав. край, обл. и ГУБФО РСФСР.

Об изменении ст. 15 Таксы оплаты действий судисполнителей по исполнению решений и определений судов и исполнительных надписей нотариальных контор.

В дополнение утвержденной 10 декабря 1927 г. НКЮ и НКФ РСФСР Таксы оплаты действий судебных исполнителей по исполнению решений и определений судов и исполнительных надписей нотариальных контор («Е. С. Ю.» 1927 г. № 51, стр. 1598), НКЮ и НКФ постановляют утвердить следующую ст. 15 и примечание к ней означенной Таксы.

«Ст. 15. Из сумм сборов по Таксе 75% поступает в доход государства или местных советов, в зависимости от того, содержится ли судебные исполнители на государственном или на местном бюджетах, а остальные 25% поступают в общий фонд на вознаграждение таковых.

Суммы, поступающие в доход государства, зачисляются по § 19 ст. 3 сметы НКЮ.

Примечание. В случае производства исполнительных действий милицией и волисполкомом 75% сборов поступает в доход местных советов, а 25% — на вознаграждение лиц, фактически исполняющих решения».

Нар. Ком. Юстиции Янсон.

Нар. Ком. Финансов РСФСР Милютин.

Зам. Зав. Отд. Суд. Управления Нехамкин.

Налоговое Управление Шалимов.

21 февраля 1928 года.

Циркуляр № 33.

Всем краевым, обл., губ. и скр. судам РКИ.

Всем краевым, обл., губ. и окр. судам и г.р.к.рам.

О наложении дисциплинарных взысканий на работников судебного ведомства.

Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции и Народный Комиссариат Юстиции доводит до Вашего сведения, что в целях наибольшего сближения подведомственных обоим Народным Комиссариатам органов и в целях координации их работы, они нашли целесообразным установить следующий порядок наложения взысканий на работников юстиции органами РКИ, в соответствии с постановлением «о расширении прав Рабоче-Крестьянской Инспекции» («С. У.» 1927 г. № 80, ст. 571), в части, касающейся борьбы с бюрократизмом, волокитой и халатностью:

1) в отношении помощников прокурора и членов суда допустить наложение дисциплинарных взысканий до строгого выговора включительно непосредственно президиумам губ. и окр. РКИ;

2) в отношении окружных прокуроров и председателей окружных судов и заместителей тех и других право наложения дисциплинарных взысканий предоставить президиуму краевых и областных РКИ;

3) в отношении председателей краевых, областных и губернских судов и прокуроров и заместителей тех и других право наложения дисциплинарных взысканий предоставить исключительно Коллегии НК РКИ в форме предложений Народному Комиссариату Юстиции;

4) увольнение и отстранение от должности всех без исключения прокуроров и судей в дисциплинарном порядке практиковать только путем предложений Коллегии НК РКИ Народному Комиссариату Юстиции.

Сообщая Вам вышеизложенное, Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции и Народный Комиссариат Юстиции предлагают строго руководствоваться вышеуказанными правилами, не допуская никаких отклонений в ту или другую сторону.

Нар. Комиссар Рабоче-Крестьянской

Инспекции Ильин.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Крыленко.

22 февраля 1928 г.

Циркуляр № 34.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

О командировании нарсудей в комиссии по делам о несовершеннолетних.

Положение о Судеустройстве возлагает на губернские, областные и окружные суды, а равно на их уполномоченных, командировать народных судей в комиссии по делам о несовершеннолетних (ст.ст. 49, 54, 132). Инструкция местным комиссиям по делам о несовершеннолетних (цирк. НКЮ № 232—1926 г.—«Еж. Сов. Юст.» 1927 г. № 1) указывает, что все члены этих комиссий (а равно их заместители) должны быть постоянными.

Между тем, как видно из поступающих в НКЮ сведений, в целом ряде комиссий по делам о несовершеннолетних не имеется постоянного представителя—народного судьи. В заседаниях комонес участвует то один, то другой нарсудья, а нередко нарсудья вовсе не является на эти заседания.

В виду этого НКЮ предлагает принять меры к тому, чтобы во все комиссии по делам о несовершеннолетних были командированы нарсудьи в качестве постоянных представителей, чтобы смена этих представителей не допускалась без достаточно серьезных причин, и чтобы командированный в комонес в качестве постоянного представителя (или его заместителя) народный судья бесперебойно присутствовал на заседаниях комонес.

Об исполнении циркуляра сообщить.

Зам. Народного Комиссара Юстиции **Стучка.**

Член Коллегии НКЮ **Осипович.**

25 февраля 1928 г.

Циркуляр № 35

Всем краевым, обл. и губ. судам.

Об изменении ст. 6 инструкции НКЮ № 162 1923 г. (и № 62—1927 г.).

Статья 6 инструкции НКЮ о расходах по вознаграждению свидетелей, экспертов, переводчиков и понятых по уголовным и гражданским делам дополняется нижеследующим примечанием:

«Примечание. Эксперты, являющиеся рабочими и служащими, за которыми в силу закона сохраняется право на вознаграждение по месту службы и работы (ст. 78 Кодекса Зак. о Труде), получают вознаграждение лишь за экспертизу, производимую во внеслужебное время».

Зам. Народного Комиссара Юстиции и

Председатель Верховсуда **Стучка.**

Член Коллегии НКЮ **Осипович.**

25 февраля 1928 г.

НКЮ № 36
Циркуляр НКВД № 80

Всем краевым, обл. и губ. судам.

Всем администр. судам край, (обл. и губ.) исполкомов.

Копия: краевым, обл. и губ. исполкомам.

О порядке обозначения мер веса, длины и объема в сделках, касающихся вывозимых за границу товаров.

Народные Комиссариаты Юстиции и Внутренних Дел, в дополнение к циркуляру НКВД и НКЮ от 6 декабря 1927 г. за № 436 211 («Е. С. Ю.» № 50 и «Бюлл. НКВД» № 34—1927 г.) «о применении метрической системы мер», разъясняют, что в сделках и документах, касающихся вывозимых за границу товаров допускается применение параллельного обозначения мер веса, длины и объема как старых, так и по метрической системе.

Заместитель Народного Комиссара Юстиции
и Председатель Верховсуда **Стучка.**

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел **Егоров.**
27/22 февраля 1928 г.

Циркуляр № 38.

Всем краевым, обл. и губ. прокурорам.

Копия: НКЮ автономных республик.

О защите прав батрачества и бедноты.

Рост активности жалиточной части деревни ставит перед низовыми органами власти во всю широту вопрос о защите прав батрачества и бедноты. Однако, имеющиеся в НКЮ дан-

ные свидетельства о том, что до сих пор еще ВИК'и и сельсоветы не уделяют этому вопросу должного внимания, по-прежнему основная масса батрачества не охвачена письменными договорами и работает на основании словесных договоров, а, следовательно, и без должного контроля со стороны органов власти над тем, насколько защищены интересы батрака временными правилами о применении наемного труда в крестьянском хозяйстве, которые не являются трудовыми и в которых применение рабочей силы далеко не носит подсобного характера

Если к этому добавить, что даже такого рода договоры регистрируются механически без должной проверки условий этих договоров, то станет ясным, что вопрос защиты батрачества в деревне находится в таком состоянии, что требует к себе со стороны всех органов власти, в том числе и прокуратуры на местах особого внимания.

На основании изложенного и в дополнение к циркуляру НКЮ № 190 от 1 ноября 1927 года («Е. С. Ю.» № 45—1927 г.), Прокуратура Республики предлагает:

1. Перед соответствующими руководящими органами поставить на обсуждение вопрос о необходимости заострения внимания местных органов власти на вопросах охраны труда батраков.

2. Руководствуясь инструкцией СНК РСФСР, прим. 1 к п. 1 («С. З.» 1925 г. № 54, ст. 511), войти с представлением в краевые, областные и губернские исполнительные комитеты об установлении предельного размера крестьянских хозяйств, на которые временные правила не распространяются.

3. Перед губотделами профсоюзов с.-х. рабочих поставить вопрос о необходимости проведения широкой кампании по выявлению незарегистрированных договоров найма.

4. Перед губотделами труда поставить вопрос о необходимости усиления работы по обследованию крестьянских хозяйств, прибегающих к найму батраков.

5. При выездах в деревню работникам прокуратуры уделять особое внимание проверки зарегистрированных договоров с точки зрения соответствия их временных правил в отношении хозяйств трудовых и КЗоТ в отношении хозяйств нетрудовых.

6. Ни одного случая нарушения временных правил или КЗоТ, ухудшающих положение батрака, не оставлять без привлечения нанимателей к ответственности, как не оставлять без привлечения к ответственности и тех должностных лиц, на обязанности которых лежит выявление незарегистрированных договоров и охрана интересов батрачества, и которые к этим своим обязанностям относятся без должного внимания.

В очередном отчете на этой части деревенской работы прокуроров остановиться подробнее.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Ст. Пом.

Прокурора Республики **Крыленко.**

1 марта 1928 г.

Циркуляр.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

Всем администр. отделам край, (обл. и губ.) исполкомов.

Копия: краевым, обл. и губ. исполкомам.

О сообщении выполняющими нотариальные действия волостными (районными) исполнительными комитетами сведений о протестованных векселях филиалам Госбанка и Кредит-Бюро.

1. Волостные исполнительные комитеты (райисполкомы) после совершения протеста векселя посылают еженедельно сведения о векселях, опротестованных в течение недели, местным филиалам Госбанка и акц. об-ва Кредит-Бюро.

2. Уездные (районные) нотариальные конторы сообщают ВИК'ам и РИК'ам в районе действий нотариальной конторы, в какие местные учреждения Госбанка и Кредит-Бюро должны посылать сведения о протестованных векселях те или иные ВИК'и и РИК'и.

3. Те же нотариальные конторы снабжают ВИК'и и РИК'и соответствующими карточками ф. № 12 (желтого цвета) из имеющегося у них запаса в потребном количестве, приблизительно, от 10 до 50 карточек на каждый РИК и ВИК. По исчерпании присланного запаса ВИК или РИК должны требовать эти карточки из соответствующей нотариальной конторы.

4. В графе «векселедатель» карточки ф. № 12 пишется наименование лица или учреждения, подписавшего вексель, с точным обозначением адреса. В графе «бланкоадписатель» помещается наименование всех бланкоадписателей, поста-

вивших свои подписи на обороте векселя. В графе «от кого протестован» помещается наименование лица или учреждения, представившего вексель к протесту. Если вексель представлен Банком, на основании поручительной надписи иного векселедержателя (с платежом банку на инкассо), в этой графе помещается наименование лица или учреждения, поручившего банку вексель по надписи (а не Банка, действующего на основании поручительной надписи). Указанные сведения должны быть изложены четко и ясно.

5. После получения настоящего циркуляра ВИК'и и РИК'и посылают в свои филиалы Госбанка и Кредит-Бюро карточки по всем векселям, по которым совершен протест в данном ВИК'е или РИК'е, начиная с 1 января 1928 г., а в дальнейшем эти сведения посылаются еженедельно, согласно § 1 настоящего циркуляра.

6. За каждую карточку с помещенными на ней сведениями ВИК'и и РИК'и взимают с соответствующего учреждения Госбанка или Кредит-Бюро по 5 копеек за экземпляр. Расчет производится поквартально.

7. Один экземпляр карточки оставляется в делах ВИК'а (РИК'а).

Зам. Народного Комиссара Юстиции Крыленко.

Народный Комиссар Внутренних Дел Егоров.

28 февраля 1928 г.

Циркуляр № 41.

(Согласован с НКФинансов РСФСР).

Всем краевым, обл. и губ. судам.

О порядке уплаты гербового сбора за надписи на векселях и в WARRANTах о протесте их.

По установившемуся в практике нотариальных контор порядку одновременно с предъявлением в контору векселей к протесту векселедержателем вносятся и гербовый сбор (марками) за надписи о протесте. В случае же выкупа векселя внесенный гербовый сбор возвращается.

Такой порядок уплаты гербового сбора за надпись о протесте неудобен в виду необходимости вести учет принятых нотариальной конторой гербовых марок.

Народный Комиссариат Юстиции разъясняет, что гербовый сбор (марками) за надписи на векселях и WARRANTах о протесте их может вноситься векселедержателем в момент получения протестованного векселя. Вексель должен быть протестован в установленный законом срок и с učinенной на нем надписью за подписью нотариуса и печатью нотариальной конторы храниться у нотариуса или сотрудника, ведающего выдачей документов.

При погашении гербовых марок проставляется дата погашения.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и

Председатель Верховного Суда Стучка.

Член Коллегии НКЮ Осипович.

7 марта 1928 г.

Извещение НКЮ.

В связи с сокращением кредитов, отпускаемых по смете Народного Комиссариата Юстиции на снабжение юридической литературой подведомственных ему местных органов, периодические издания Юридического НКЮ «Еженедельник Советской Юстиции» и «Судебная Практика», а равно и «Собрание Узаконений и Распоряжений» в текущем 1928 г. будут рассылаться, согласно утвержденной Коллегией НКЮ развертке, в самом ограниченном количестве экземпляров, с учетом лишь действительной потребности в них для нормального обслуживания данного учреждения.

Вся получаемая в счет развертки литература принадлежит органам юстиции, которым она высылается и должна выдаваться сотрудникам лишь во временное пользование для служебных надобностей. Литературу для постоянного личного пользования возможно приобретать за свой личный счет на установленных льготных условиях.

В соответствии с этим, должен быть установлен учет всей поступающей в счет развертки литературы путем внесения таковой по мере ее поступления в инвентарную книгу. При перемещениях и увольнении вся литература подлежит сдаче по описи, наравне с другим имуществом и делопроизводством. При развертке учтена необходимость один экземпляр из всей высласмой литературы постоянно иметь в библиотеке учре-

ждения, для общего пользования, а остальные для служебных надобностей в распоряжении сотрудников учреждения.

Со всеми вопросами по высылке юридической литературы в счет развертки надлежит обращаться в Отдел Общего Управления Народного Комиссариата Юстиции.

Член Коллегии НКЮ Алимов.

21 февраля 1928 г.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР.

ИЗ ПРОТОКОЛА № 1 ЗАСЕДАНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХСУДА ОТ 2 ЯНВАРЯ 1928 Г.

17. (п. 21). 1) Об устранении из судебных споров, связанных с разводом, вопросов интимной жизни сторон, не имеющих прямого отношения к этим спорам.

2) Члены суда, участвовавшие в рассмотрении дела в кассационной инстанции, не лишены права участвовать во вторичном рассмотрении этого же дела в кассационной инстанции, когда определение по делу отменено Пленумом.

(Представление Председателя Главсуда Якутской АОСР по делу, по иску гр. Стреловой об отобрании ребенка от своего бывшего мужа и предложение Председателя Верховного Суда по тому же делу).

Обстоятельства дела:

1 ноября 1926 г. гр-ка Стрелова—учительница—обратилась в нарсуд 2 участка г. Якутска с иском о признании недействительным, в котором просила об отобрании от своего бывшего мужа ребенка и о передаче ребенка на воспитание ей. При этом она объяснила, что после развода с мужем, она, уезжая в Москву с экскурсией, временно оставила ребенка у бывш. мужа и что ныне она видит, что муж ненадлежащим образом воспитывает ребенка—часто пьянствует в присутствии ребенка и разлагающим образом на него действует; она же как педагогичка лучше сумеет воспитать ребенка, тем более, что совместно с ней проживает и ее мать, которая очень любит ребенка и все время за ним следит. 17 ноября в тот же нарсуд поступило заявление ответчика Бурнашева, в котором он указывал, что развод является следствием «неверности истицы в супружеской жизни»; что фактически после развода они продолжали жить вместе и что он, как лучше обеспеченный (получает большое жалованье, имеет дом и сверх того хозяйство в деревне), сумеет дать ребенку лучшее воспитание. Дело слушалось в течение 3 суток (с 28 по 30 сентября), при чем в заседании, происходившем при закрытых дверях, участвовали истица, ответчик, их защитники, прокурор и представитель женотдела. Протокол судебного заседания составлен на 34 полулистах и почти стенографически передает все произнесенное на судебном заседании, вплоть до того, что «объявлен перерыв за отсутствием света»; но почти весь материал прямого отношения к делу не имеет. В судебном заседании истица подтвердила свои требования и указала, что отец, как пьяница (отморозивший себе в пьяном виде ногу, которую пришлось ампутировать), не в состоянии воспитывать ребенка; что она, как педагогичка-общественница, лучше сумеет его воспитать; что задержка ребенка имеет целью принудить ее к дальнейшему сожительству с бывш. мужем. Ответчик же старался «опорочить» истицу в том отношении, что она недостаточно «выдержана» в нравственном отношении. Свидетели в своем большинстве указывали, что, хотя отец пьян, но не часто, и что оба родителя ребенка любят. Прокурор дал заключение об оставлении ребенка у отца, так как он любит ребенка больше, чем мать, ибо «если бы Стрелова любила ребенка, она не оставила бы у мужа». Решением от 30 сентября 1926 года суд гр-ке Стреловой в иске отказал, мотивируя это, кроме легкомысленности истицы, еще и тем, что Бурнашев пьяницей не является (хотя пьян, но не часто), относится к ребенку хорошо и т. п. Это решение было отменено определением Якутского Главсуда от 15 ноября 1926 г. по следующим соображениям. Суд неправильно, вопреки всем обстоятельствам дела, отверг пьянство ответчика, Суд не обратил внимания на представленные Стреловой документы, характеризующие ее как педагога-общественника, и суд не обратил внимания на показания свидетеля о том, что когда Бурнашев возвращается в пьяном виде, ребенок себя скверно чувствует. При новом рассмотрении дела

1 июня 1927 г. нарсуд вторично присудил ребенка Бурнашеву, мотивируя это тем, что Бурнашев материально более обеспечен, как имеющий «большое недвижимое имущество», что у Бурнашевой имеется постоянная служба, а учительствование не является твердой профессией; что Бурнашев, по словам свидетелей много занимается ребенком и поэтому сумеет его воспитать не хуже Стреловой; что хотя Бурнашев бывает несколько раз в году пьяным, и в одном из таких случаев потерял ногу, но признать его пьяницей, который может вызвать нравственное падение ребенка, невозможно; что по показаниям некоторых свидетелей, и Стрелова бывала иногда пьяной; что Стрелова после развода и несмотря на всевозможные оскорбления от мужа, продолжала с ним жить, и что она имела интимную переписку с другими лицами и т. п.

Это решение было вторично отменено определением Якутского Главсуда от 16 июля 1927 г., который признал решение нарсуда неправильным и неоснованным на материалах дела.

13 августа 1927 года заместитель председателя Главсуда по гражданской коллегии, ссылаясь на то, что в составе кассационной инстанции участвовал «гр-н Иванов, не являющийся членом суда», истребовал дело в порядке надзора и передал дело в Пленум Главсуда для отмены определения кассколлегии.

31 августа 1927 г. Пленум Главсуда отменил определение ГKK Главсуда за незаконностью состава и в виду того, что все члены Главсуда, за исключением двух, принимали уже участие в рассмотрении этого дела в двух заседаниях, постановил: передать дело на рассмотрение Сибирского Крайсуда через Верхсуд.

Постановили: Рассмотрев дело нарсуда и Главсуда Якутской АССР на 184 стр. по иску гр-ки Стреловой об истребовании от бывш. своего мужа ребенка и выслушав представление председателя этого суда, — Пленум Верхсуда находит необходимым вынести следующее определение:

1) два состава нарсуда, дважды рассматривая дело, в течение нескольких дней, показали, что они не усвоили себе основного положения нашего закона о браке и разводе, устраняющего из судебного дела всякие вопросы интимной жизни личности, вследствие чего производство нарсуда приняло в некоторой степени характер бывшего конститорского суда со всякими пикантными подробностями семейной жизни;

2) что нарсуд дошел даже до того, что слушал дело временами при закрытых дверях, чтобы выяснить, с кем целовалась истица, вместо того, чтобы быстро и деловито решить простой житейский вопрос, у кого оставить ребенка в интересах этого ребенка;

3) что не собрав никакого «позорящего» материала против матери — местной учительницы, нарсуд приводит совершенно несостоятельные доводы в пользу отца, как более обеспеченного лица (домовладельца, получающего больше жалованья, и т. п.), забывая, что в этом отношении имеется средство — присуждение алиментов;

4) что в решении приведены явно несостоятельные мотивы, как-то: «что у нас в Якутии в учителя идет каждый более или менее способный человек, а также имея в виду, что с обязанности учителя многие также легко уходят, то приходится признать, что учительство не является той твердой профессией, каковой является профессия врачей, инженеров и проч. со специальными знаниями», а в другом месте суд приводит явно недопустимый мотив для «опорочения» истицы, указывая, что она настолько «легкомысленна», что после регистрации развода некоторое время продолжала жить со своим бывшим мужем;

5) что записанное чуть ли не стенограммой протокола заседания по самому простому делу является чрезвычайно нежелательной тратой времени и средств;

6) что Главсуд, правильно отменив оба решения нарсуда от отказа матери в отобрании ребенка, не обратил внимания на указанные выше обстоятельства и не предложил суду прекратить такое недопустимое отношение к делу;

7) что определение ГKK Главсуда по делу было опротестовано в Пленум Главсуда в виду незаконного состава кассационной, в которой участвовал «не-член суда гр-н Иванов»; но в представлении не указано, какое отношение гр-н Иванов имеет или имел к суду (ведь не может же быть, чтобы совершенно постороннее лицо могло заседать в кассационной инстанции);

8) что члены суда, участвовавшие в рассмотрении дела кассационной, не лишены права участвовать во вторичном

рассмотрении этого же дела после отмены определения Пленумом Главсуда, тем более, что определение было отменено исключительно по формальным соображениям, почему у Главсуда не было оснований к направлению дела даже через Верхсуд в другой суд на основании лишь того, что все члены Якутского Главсуда уже участвовали в деле;

9) что вследствие этого получилось, что простое дело, начатое еще в ноябре 1926 года, разбухло до 184 страниц и до сих пор еще не разрешено. — Пленум Верхсуда, считая решение нарсуда по делу неправильным, постановляет: передать дело на рассмотрение по существу в соответствующий нарсуд через Главсуд Якутской АССР и предложить суду немедленно рассмотреть иск по существу, не примешивая к делу обстоятельств интимного характера и не имеющих к делу прямого отношения.

Предложить суду препроводить в Верхсуд копию нового решения по делу.

18. (п. 1) О порядке продажи с торгов имущества, принадлежащего должнику на правах общей собственности с другими лицами.

(Представление Пленума Вотского облсуда).

Раз'яснить, что обращение взыскания на долю в общем имуществе в судебном порядке должно заключаться в описи и оценке всего общего имущества с продажей с торгов права должника на соответствующую долю в общем имуществе, на правах общей собственности (на что имеется прямое указание в ст. 64 ГК), после чего приобретателю права на долю в общем имуществе принадлежит все права по ст. 65 ГК.

Одновременно Пленум Верхсуда находит, что взаимоотношения общих собственников настолько сходятся с отношениями простого товарищества, что при взыскании с одного из общих собственников имущества взыскателю могут быть предоставлены права по 293 ст. ГК в смысле участия в чистом доходе с общего имущества.

19. (п. 2). О применении ст. 182 ГК.

Соглашаясь с раз'яснением III Отдела НКЮ от 4 декабря 1923 г., признать, что ограничения, установленные ст. 182 ГК, имеют в виду, чтобы в результате сделки в руках покупателя не оказалось двух или более целых владений. Владение же нераздельной долей какого-либо строения не является препятствием для приобретения нового владения в смысле ст. 182 ГК.

20. п. 3). 1. О подсудности исков о неправильной регистрации Коммунахозом домовладений при наличии спора о праве гражданском. 2. Определение суда, вынесенное в бесспорном порядке (ст. 196 ГПК), необязательно для суда при рассмотрении дела в порядке искового спора.

(Предложение Президиума Верхсуда по делу Терского окрсуда по иску Поляхских в Вечерко о признании права собственности на дом).

Принимая во внимание, что по заявлению представителя коммунахоза спорный дом был зарегистрирован на имя ответчика исключительно на основании судебного определения, вынесенного в бесспорном порядке; что это судебное определение необязательно для суда при рассмотрении дела в порядке искового спора и поэтому суд вправе был установить ошибочность и недействительность первого судебного определения и признать, что истицы являются фактическими владельцами спорного дома, и что ответчик никаких прав на спорное владение не имеет; что с утратой силы судебного определения подлежит отмене и регистрация, произведенная на основании этого судебного определения; что самый факт демунципализации не оспаривается и судебному оспариванию вообще не подлежит, а вопрос идет о том, чтобы разрешить возникший между сторонами спор о праве гражданском и установить ошибочность вынесенного в бесспорном порядке судебного определения; что вопрос о том, имеется ли в данном случае спор о праве гражданском или нет, относится к существу каждого конкретного дела; что решение окрсуда по данному делу коммунахозом, участвовавшим в деле, обжаловано не было, почему у ГKK Верхсуда не было оснований к отмене решения окрсуда по делу, — Пленум Верхсуда постановляет:

отменить определение ГKK Верхсуда от 19 ноября 1927 г. и оставить в силе решение Тверского окрсуда от 16 мая 1927 года.

21. (п. 7). Об оказании в определениях кассколлегий метода вторичного разрешения дела.

(Протест Председателя Верховного Суда на определение Гр. К. К. Верховсуда от 23 ноября 1927 г. по делу Армавирского окрсуда по иску Т-ва «Труд» к окружному земельному управлению).

Принимая во внимание, что одна лишь ссылка «на цели соображения сторон, не должна служить основанием к обсуждению», того или иного дополнительного требования, отмене вторичного решения суда; что вообще при отмене решения губсуда для нового рассмотрения дела ГKK в своих определениях должна давать ссуду, по возможности, прямые и конкретные указания на метод практического и быстрого разрешения данного дела или данного вопроса, не ограничиваясь лишь указаниями на допущенные судом нарушения; что, в частности, в данном конкретном деле ГKK Верховсуда, в виду спорности и запутанности договорных отношений сторон, должна была поставить вопрос о решении дела и производстве расчетов между сторонами по принципу возмещения реального эквивалента труда, затрат и т. п., отменить определение ГKK Верховсуда от 23 ноября 1927 года и дело передать на новое рассмотрение ГKK Верховсуда того или иного состава.

2. (п. 9). О капитализации пенсий.

(Предложение Председателя Верховсуда по делу Мосгубсуда по иску гр. Шинут к акционерному об-ву «Меркурий»).

Раз'яснить, что закон от 23 ноября 1927 г., а равно и действовавшее до издания этого закона раз'яснение Пленума Верховсуда от 3 января 1927 г. (прот. № 1, п. 5 «Суд. Пр.» № 1) допускает капитализацию сумм повременных платежей, причитающихся к выдаче увечному или членам его семьи, лишь в том случае, если предприятие, обязанное выплачивать периодические платежи, ликвидировано, как по несостоятельности, так и по другим каким бы то ни было основаниям. Опасение же ликвидации предприятия, обязанного по решению суда к выплате повременных платежей, при неустановлении факта несостоятельности, не может служить основанием к вынесению решения о капитализации присужденных повременных платежей. В случае опасения ликвидации предприятия, суд, по просьбе заинтересованных лиц, вправе лишь принять меры к обеспечению будущих платежей. Имея при этом в виду, что претензии по вознаграждению за увечье или смерть приравниваются в отношении очередности удовлетворения к претензиям по заработной плате (ст. 4 указанного закона). Этим преимуществом положение увечного в достаточной степени обеспечивается, почему создание дополнительной гарантии в смысле возможности капитализации пенсий исключительно лишь из опасения ликвидации невозможно и было бы несправедливо в отношении требований рабочих по зарплате.

Решение суда по настоящему делу, за отсутствием протеста, оставить в силе.

23. (п. 10). О доказательной силе документов, составленных агентом государственного учреждения, по делу, в котором стороной выступает это учреждение.

(Протест Председателя Верховсуда на определение ГKK Верховсуда от 6 декабря 1927 г. по делу Мосгубсуда по иску гр. Мухомкина к МУНИ о взыскании 1.640 р.).

По настоящему делу ГKK Верховсуда в мотивах своего определения об отмене решения губсуда в части определения размера занимаемой ответчиком по встречному иску жил. площади ссылаются на то, что характеристика домовладения, составленная агентом МУНИ — истца по встречному иску, не является достаточным доказательством для определения размера площади, занимаемой ответчиком по встречному иску. Такой мотив, который заранее берет под сомнение характеристику домовладения, не может быть оставлен в силе, так как агент МУНИ, как и МУНИ, является официальным учреждением, и одно то обстоятельство, что МУНИ является стороной в деле, не может уменьшить силу официальных документов, составленных его агентом.

В виду этого Пленум Верховного Суда постановляет: отменить определение ГKK Верховсуда от 6 декабря 1927 г. и дело передать на новое рассмотрение ГKK Верховсуда.

Циркуляр Верховсуда РСФСР № 3.

Всем краевым, главным, областным и губ. риским судам.
О недопустимости формального и небрежного отношения к выполнению предложений Верховсуда.

На основании постановления Президиума Верховного Суда РСФСР от 3 января 1928 года, Дисциплинарная Коллегия обследовала своевременность выполнения различного рода предложений Верховсуда и усмотрела как из материалов Президиума, так и материалов, проходящих через Дисциплинарную Коллегию, что иногда местные судебные органы задерживают исполнение предложений Верховсуда в течение года и больше, а на запросы Верховсуда о результатах исполнения часто ограничиваются лишь формальной отпиской.

Об этом свидетельствуют следующие примеры:

В 1926 году 23 июля за № ОК 211/11, Верховсудом, направлено заявление гр. Кашина Председателю Акмолинского губсуда для проверки. В 1926 году 24 декабря за № ОК 17 202 Верховсуд запросил Прокурора Казахской АССР о результатах направленного ему редакцией «Крестьянская Газета» заявления гр. Щерба. До сего времени эти предложения не исполнены.

Предложения прокуратуры и кассационных отделений не всегда выполняются точно и своевременно.

Предложение Краевого Прокурора Северного Кавказа о принятии срочных мер к приведению в исполнение решения о взыскании в пользу гр-на Куропаткина с Агиплатовского с.-х. кооперативного товарищества Прокурором Чеченской области оставлено без исполнения в течение года.

Уголовным кассационным отделом Ульяновского губсуда 27 мая 1926 года был отменен приговор по делу Ваулина по 166 ст. Уг. Кодекса и с указаниями был возвращен на судье Базанову для вторичного рассмотрения, дело вновь находилось в производстве на судьи более года и вторично заслушано с теми же нарушениями, которые были ему указаны.

Народные следователи допускают задержку следственных действий по делам, возвращенным судом для доследования. Несмотря на срочность возвратившихся к доследованию дел, на следователя 6 уч. Борисоглебского уезда Тамбовской губ. задерживает исполнение таковых по делу Маркова по 1 ч. 113 ст. УК в течение 4½ месяцев.

Народные судьи задерживают дела слушанием, назначая таковые и откладывая их от 8 до 10 раз, как это обнаружила ревизия нарсуда 2 района Ярославского уезда и губернии.

Нарсуд 4 района Кимрского уезда Тверской губернии, имея у себя в производстве дело Башева и других по 1 ч. 143 ст. УК, в течение 9½ месяцев неоднократно назначал к слушанию дело и откладывал, а после 9½ месяцев направил его в другой район по подсудности, в результате, дабы избавиться от волокиты, потерпевшей Гариной пошел на примирение с подсудимыми, и дело было прекращено.

17 января 1927 года Пленум Верховсуда отменил решение Калужского губсуда по делу Учстрахкасы с гр. Докукиным и другим и дело передал на новое рассмотрение губсуда. Несмотря на то, что Пленум Верховсуда дал ясные указания о том, как нужно решать это дело, и несмотря на неоднократные напоминания, оно до сих пор не рассмотрено.

Дело по обвинению гр-на Ней по ст. 113 УК (ред. 22 г.), переданное Пленумом Верховсуда на новое рассмотрение 11 февраля 1927 года, также до сего времени не рассмотрено.

Указанные выше факты имеют место, несмотря на категорическое указание Президиума Верховсуда от 11 октября 1927 г. (прот. № 30, п. 3, «Суд. Пр.» № 20) о том, что дела, передаваемые Верховсудом на новое рассмотрение, должны разрешаться в срочном порядке и даже вне очереди.

Обследуя указанный материал и считая подобные факты вопиющей волокитой недопустимыми и подрывающими в глазах трудового населения авторитет судебных органов, Верховный Суд РСФСР предлагает всем краевым, главным, областным и губернским судам принять реальные и срочные меры к изжитию наблюдающейся волокиты и предупреждает, что судебные работники, допустившие несвоевременное исполнение предложений вышестоящих инстанций, а также судебные работники, виновные в несвоевременном рассмотрении дел, переданных им Верховсудом на новое рассмотрение, будут привлекаться к уголовной и дисциплинарной ответственности.

Председатель Верховного Суда РСФСР Стучка.
Зам. Председателя Дисциплинарной

Коллегии Н. Немцов.

19 января 1928 г.

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст. Н. Янсен.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия { Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.

КТО СЛЕДУЮЩИЙ!

КОНКУРС КИОСКОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ № 1

о киоске при ВЛАДИМИРСКОМ Губсуде

Юридическое Издательство объявило конкурс на лучший киоск издательства. Мне кажется, что помимо освещения работы лучших не мешало бы осветить и работу тех киосков которые, имея все возможности для развертывания ее, проводят, однако, работу по распространению юридической литературы таким образом, что заслуживают названия не лучшего, а худшего киоска.

Конкретно коснусь работы киоска при Владимирском Губ. Суде—условия для распространения литературы во Владимире достаточно хороши, об этом свидетельствует бойкая торговля литературой книжными магазинами Владимира; условия для работы киоска при Губсуде благоприятны еще и потому, что последний находится в одном здании с другими губернскими учреждениями (ГИК, Губздрав, Губомд. Тр., Губоно и т. д.), что в этих учреждениях и в самом Губсуде и Губпрокуратуре в течение рабочего дня бывает изрядное количество посетителей и что, наконец, в залах Губсуда проводились неоднократно губернские и уездные совещания работников суда, прокуратуры, милиции. Однако, при всех этих условиях киоск распространяет мало литературы, по моему вследствие следующих причин.

1. О киоске никто не знает, так как о его существовании говорят лишь два небольших объявления, повешенных в Губсуде, но и при наличии их найти киоск, а тем более купить в них литературу чрезвычайно затруднительно. Киоск помещается в канцелярии Губсуда, где-то на задворках, на двери комнаты нет надписи, что здесь книжный киоск, и даже в самой комнате, где находится киоск, трудно догадаться, что здесь производится торговля книгами: книги находятся

в запертых шкафах и покупатель не имеет возможности видеть какой товар предлагает ему киоск.

Поэтому литературу в киоске покупают работники Губсуда, Губпрокуратуры и члены коллегии защитников, других покупателей киоск не знает.

2. Несмотря на неоднократно проводившиеся совещания работников Губсуда, Прокуратуры, нарсудов, милиции, ни на одном из них киоск не развернул своей работы, не показал той литературы, какую они имеют и в какой нуждаются места.

Что же необходимо сделать для оживления работы киоска?

Считаю следующее:

1. Необходимо уяснить, что киоск—коммерческое предприятие, которое при правильно поставленной работе может окупить специальное лицо, которое бы ведало им, работая в нем на процентах, для этого киоск надо изъять из ведения чиновника—служащего Губсуда и передать специальному лицу.

2. Необходимо перенести его в такое место, где его видели бы посетители отмеченных мною выше учреждений (такие места есть).

3. Необходимо о существовании киоска и о приеме им подписки на периодические издания оповестить массу путем рекламы как в местной газете, так и хотя бы простой вывески.

4. На всевозможных съездах вести активную работу, производя продажу в кулуарах съездов.

В конце концов лицо, заинтересованное материально в распространении юридической литературы, сможет найти каналы, по которым двинет эту литературу не только работникам советского и судейского аппарата, но и в массы рабочих и крестьян.

г. Владимир.

Стеблин.

За лучшую корреспонденцию, т. е. за наиболее полное описание хороших и плохих сторон работы киоска (каналы распространения, учет рынка—что идет и что не идет в данном районе), а также описание перспектив киоска и предложение мероприятий к улучшению работы киоска устанавливается три премии, по которым будут выданы библиотеки на общую сумму 150 рублей.

Первая премия: биб-ка на сумму 75 руб., вторая—на сумму 50 руб., и третья—на сумму 25 рублей.